

АЛЕКСЕЙ
ТОЛСТОЙ

Родина

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ

МОСКВА

1942

РОДИНА

За эти месяцы тяжелой решающей борьбы мы все глубже познаем кровную связь с тобой, еще мучительнее любим тебя, родина.

Надвинулась общая беда. Враг разоряет нашу землю, от пожарища к пожарищу бороздит ее танками и все наше — вековечное — хочет назвать своим. Счастливый и несчастный собирается у своего гнезда. Даже и тот, кто хотел укрыться, как сверчок, в темную щель и пошвыстывать там до лучших времен, и тот понимает, что теперь нельзя спастись в одиночку.

Гнездо наше, родина возобладала надо всеми нашими чувствами. И все, что мы видим вокруг, что раньше, быть может, мы и не замечали, не оценили, как пахнувший ржаным хлебом дымок из занесенной снегом избы, — поразительно дорого нам. Человеческие лица, ставшие такими серьезными, и глаза всех — такими похожими на глаза людей с одной всепоглощающей мыслью, и говор русского языка, — все это наше, родное, и мы, живущие в это лихолетье, — хранители и сторожа родины нашей.

Все наши мысли о ней, весь наш гнев, ярость — за ее поругание, и наша готовность — умереть за нее. Жертвенность, как тень, всегда сопутствует напряженной и большой любви. Как юноша говорит своей возлюбленной: дай мне умереть за тебя! Родина — это движение народа по своей земле из глубин веков к желанному будущему, в которое он верит и создает своими руками для себя и своих поколений. Это — вечно отмирающий и вечно рождающийся поток людей, несущий свой язык, свою духовную и материальную культуру и непоколебимую веру в законность и неразрушимость своего места на земле.

Когда-нибудь, наверно, национальные потоки сольются в одно безбурное море — в единое человечество. Но для нашего века это — за пределами мечты. Наш век — это суровая, железная борьба за свою свободу и за право строить по своим законам свое общество и свое счастье. Бешеный фашизм враждебен всякой национальной культуре, в том числе и немецкой. Всякую национальную культуру он стремится разгромить, уничтожить и стереть. Его пан-германская идея: «весь мир — для немцев» — лишь ловкий прием большой финансовой игры, где страны, города и люди — лишь особый вид близких биржевых ценностей, брошенных в тотальную войну. Немецкие солдаты, которых берут в плен под Можайском, Малоярославцем и под Ленинградом, так же обезличены, потрепаны и грязны, как бумажные деньги в руках аферистов и прочей международной сволочи.

Эти пленные — предполагаемые украинские землевладельцы, новоявленные орловские помещики, гордые арийцы, хозяева мира, международные жандармы, владыки всех океанских путей — трясутся от холода и гриппа, в рваных, без исподнего белья, гимнастерках, скребущей и грязь и хотят только одного: конца войны, — это им Гитлер обещал при взятии Москвы. Фашистское командование валит и валит, как из мешка, эту отупевшую человеческую массу на красноармейские штыки и пушки. Они идут, ни во что уже больше не веря: ни в то, что когда-то жили у себя на родине, ни в то, что когда-нибудь вернутся. Германия — это только фабрика военных машин и место формирования пушечного мяса. Впереди — смерть, позади — террор и чудовищный обман. За пятый месяц восточной войны каждый немец, если он не слабоумный, понял, что завоевать весь мир будет еще труднее, чем продвинуться на десяток километров под Можайском. Их гонят, кривых, хромых, больных, — лишь бы они стреляли из автоматов, и лишь бы они могли бежать за своими танками.

Эти люди намерены нас победить, бросить себе под ноги, наступить нам сапогом на шею, изгнать нас навсегда из Москвы, из всей нашей земли «оттич и дедич», как говорили предки наши. Земля оттич и дедич — это те берега полноводных рек и лесные поляны, куда пришел наш пращур жить навечно. Он был силен и бородач. В посконной длинной рубахе, соленой на лопатках.

Смышлең и нетороплив, как вся дремучая природа вокруг него. На бугре над рекою он огородил тыном свое жилище и поглядел по пути солнца в даль веков.

И ему померещилось многое: тяжелые и трудные времена, красные щиты Игоря в половецких степях, и щиты русских на Калке, и уставленные под хоругвями Дмитрия мужицкие копыя на Куликовом поле, и кровью залитый лед Чудского озера, и Грозный царь, раздвинувший единые, отныне нерушимые пределы земли от Сибири до Варяжского моря, снова — дымы и пепелища великого разорения... Но нет такого лиха, которое уселось бы прочно на плечи русского человека. Из разорения, смуты государство вышло и устроилось и окрепло сильнее прежнего. Народный бунт, прокатившийся вслед за тем по всему государству, утвердил народ в том, что сил у него хватит, чтобы стать хозяином земли. Народ сообразил свои выгоды и пошел за бронзовым всадником, поднявшим коня на берегу Невы, указывая путь в великое будущее...

Многое мог увидеть прашур из-под ладони по солнцу... «Ничего, мы сдюжим», — сказал он и начал жить. Росли и множились позади него могилы отцов и дедов, рос и множился его народ. Дивной вязью он плел невидимую сеть русского языка — яркого, как радуга вслед весеннему ливню, меткого, как стрелы, задушевного, как песня над колыбелью, певучего и богатого. Он назвал все вещи именами, воспел свой труд. И дремучий мир, на который он накинуд волшебную сеть слова, покорился ему, как обузданный конь, и стал его достоянием и для потомков его стал родиной — землей оттич и дедич.

Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки, врачевание, сопровождавшееся заговорами, веселые и печальные обрядовые песни, торжественные былины, — говорившиеся нараспев под звон струн, — о славных подвигах богатырей, защитников земли и народа, героические, волшебные, бытовые и пересмешные сказки.

Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа. Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и об-

рядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов.

Ни один из европейских народов не владеет таким художественным богатством. Там, на Западе, племена получили в наследство римскую цивилизацию, которую они до сих пор переваривают и не могут переварить. России достался в удел пустынный лес да дикая степь. Вплоть до XVIII века Россия жила по курным избам и все будущее богатство свое и счастье создавала и носила в мечтах, как скатерть-самобранку за пазухой. Народ верил в свой талант, знал, что настанет его черед и другие народы потеснятся, давая ему почетное место в красном углу. Но путь к этому был долг, труден и извилист. Византийская культура древнего Киева погибла под копытами татарских коней, Владимиро-Суздальской Руси пришлось почти четыре столетия бороться с Золотой ордой, и с Тверью, и с Рязанью, и с Новгородом, собирая и укрепляя землю. Во главе этой борьбы стала Москва.

Началась она с небольшого городища в том месте, где речонка Яуза впадает в Москву-реку. В этом месте, заворачивая на клязьминский волок — зимний торговый путь по льду — по рекам — из Новгорода и с Балтийского моря — в Болгары на Волге и далее — в Персию.

Младший Мономахович — удельный князь Юрий — поставил при устье Яузы мытный двор, чтобы брать дань с купеческих обозов, поставил другой мытный двор в Мытищах на Клязьме и поставил деревянный город — кремль — на бугре над Москвой-рекой. Место было бойкое, торговое, с удобными во все стороны зимними и летними путями. И в Москву стал тянуться народ из Переяславля-Залесского, из Суздаля и Владимира и других мест. Москва обрастала слободами. По всей Руси прогремела слава ее, когда московский князь Дмитрий, собрав ополчение, пошатнул татарское иго на Куликовом поле. Москва становилась сосредоточием, сердцем всей русской земли, которую иноземцы уже стали называть Московией.

Иван Грозный, последний князь из гнезда Мономаха, завершил дело, начатое его отцом и дедом, — со страстной настойчивостью и жестокостью он разломал обветшавший застой удельной Руси, разгромил вотчинников-князей и самовластное боярство и основал единое рус-

ское государство и единую государственность с новыми порядками и новыми задачами огромного размаха.

Москва при Грозном обстраивается и украшается. Огромные богатства стекаются в нее из Европы, Персии, Средней Азии, Индии. Она оживляет торговлю и промыслы по всей стране и бьется за морские торговые пути. Кремль стоял над Москвою, как и сейчас стоит. Только на месте колокольни Ивана Великого (поставленной при Годунове) стояла круглая красная башня с колоколом — под ней ставили на правеж должников, и там же сидели площадные подьячие, строча грамоты и кляузы.

Центр всей народной жизни был на Красной площади — здесь шел торг, сюда стекался народ во время смут и волнений, здесь вершились казни, отсюда цари и митрополиты говорили с народом, здесь произошла знаменитая, шекспировской силы, гениальная по замыслу и эффекту сцена между Иваном Грозным и народом — опричный переворот. Здесь через четверть века на Лобном месте лежал убитый лже-Дмитрий в овечьей маске и с дудкой, сунутой ему в руки, отсюда нижегородское ополчение пошло штурмом на засевших в Кремле поляков. С этих стен на пылающую Москву хмуро глядел обреченный Наполеон. Не раз сгорая дотла и восставая из пепла, Москва, — даже оставшись после Петра «порфиноносной вдовой», — не утратила своего значения, она продолжала быть сердцем русской национальности, сокровищницей русского языка и искусства, источником просвещения и свободомыслия даже в самые мрачные времена, узлом торговли и промышленности.

Настало время, когда европейским державам пришлось потесниться и дать место России в красном углу. Сделать их это заставил русский народ, разгромивший, не щадя жизней своих, непобедимую армию Наполеона. Русскому низко кланялись короли и принцы всей Европы, хвалили доблесть его, и парижские девицы ходили под ручку с усатыми гренадерами и чубатыми донскими казаками по Булонскому лесу.

Но не такой славы, не такого себе места хотел русский народ, — время сидеть ему в красном углу было еще впереди. Все же огромный национальный подъем всколыхнул все наше государство. Творческие силы рванулись на поверхность с мутного дна крепостнического

болота, и наступил блистательный век русской литературы и искусства, открытый звездой Пушкина.

Недаром прашур плел волшебную сеть русского языка, недаром его поколения слагали песни и плясали под солнцем на весенних буграх, недаром московские люди сиживали по вечерам перед восковой свечей над книгами, а иные — в лесных пустыньках, а иные, как неистовый поп Аввакум, — в яме, в Пустозерске, и размышляли о правде человеческой и записывали уставом и полууставом мысли свои. Недаром буйная казачья вольница разметывала переизбыток своих сил в набегах и битвах — все, вся широкая творческая, страстная, взыскующая душа народа русского нашла отражение и в нашем искусстве XIX века. Оно стало мировым и во многом повело за собой искусство Европы и Америки.

Русская наука дала миру великих химиков, физиков и математиков. Первая паровая машина была изобретена в России, так же как вольтова дуга, беспроволочный телеграф и многое другое. Людям науки и в особенности изобретателям приходилось с неимоверными трудами пробивать себе дорогу, и много гениальных людей так и погибло для науки, не пробившись. Свободная мысль и научная дерзость ломали свои крылья о невежество и косность царского политического строя. Россия медленно тащила колеса по трясине. А век был такой, что отставание — «смерти подобно». Назревал решительный и окончательный удар по всей преступной системе, кривившей Россию в пропасть и гибель. И удар произошел, отозвавшись раскатами по всему миру. Народ стал хозяином своей родины.

Прашур наш, глядя посолонь, наверно, различил вдали веков эти дела своего народа и сказал тогда на это: «Ничего, мы сдюжим...»

И вот смертельный враг загораживает нашей родине путь в будущее. Как будто тени минувших поколений, тех, кто погиб в бесчисленных боях за честь и славу родины, и тех, кто положил свои тяжкие труды на устройство ее, обступили Москву и велят нам: свершайте!

На нас всей тяжестью легла ответственность перед историей нашей родины. Позади нас — великая русская культура, впереди — наши необъятные богатства и возможности, которыми хочет завладеть навсегда фашистская Германия. Но эти богатства и возможности, — бес-

крайние земли и леса, неистощимые земные недра, широкие реки, моря и океаны, гигантские заводы и фабрики, те тучные нивы, которые заколосятся, те бесчисленные стада, которые лягут под красным солнцем на склонах гор, то изобилие жизни, которого мы добьемся, вся наша воля к счастью, которое будет, — все это — неотъемлемое наше навек, все это наследство нашего народа, сильного, свободолюбивого, правдолюбивого, умного и не обиженного талантом.

Так неужели можно даже помыслить, что мы не победим! Мы сильнее обовшивевших немцев! Чорт с ними! Их миллионы, нас миллионы вдвойне! У них на данное время преимущество в вооружении, особенно в танках. Но из ружья стреляет человек, Красная Армия истребляет этого стреляющего человека. Все опытнее, увереннее и хладнокровнее наша армия делает свое дело — истребление немцев. Они ведут отчаянную и — по их расчетам — последнюю ставку за Москву в истерической надежде хотя бы по сотням тысяч своих трупов пробиться к сердцу нашей родины. Расчет неверный и надежда безумная. Москва — это больше, чем стратегическая точка, больше, чем столица государства. Москва — это идея, охватывающая всю нашу культуру во всем ее национальном движении. Через Москву — наш путь в будущее. Под Москвой германская военная машина изнеможет. И тогда изменится весь ход войны.

Как Иван в сказке, схватился весь русский народ с чудом-юдом двенадцатиглавым на калиновом мосту. «Разъехались они на три прыса лошадиных и ударились так, что земля застонала, и сбил Иван чуду-юду все двенадцать голов и покидал их под мост».

Земля оттич и дедич немало поглотила полчищ наезжавших на нее насильников. На Западе возникали империи и гибли. Из великих становились малыми, из богатых — нищими. Наша родина ширилась и крепла, и ничто не могло пошатнуть ее. Так же без следа поглотит она и эти немецкие орды. Так было, так будет.

«Ничего, мы сдюжим...»

7 ноября 1941 года

ЧТО МЫ ЗАЩИЩАЕМ

Программа национал-социалистов — «наци» (фашисты) — не исчерпана в книжке Гитлера. В ней только то, в чем можно было признаться. Дальнейшее развитие их программы таит в себе такие горячечные, садистические, кровавые цели, в которых признаться было бы невыгодно. Но поведение «наци» в оккупированных странах приоткрывает эту «тайну», намеки слишком очевидны: рабство, голод и одичание ждет всех, кто во-время не скажет твердо: «Лучше смерть, чем победа «наци».

«Наци» истерично самоуверенны. Завоевав Польшу и Францию — в основном путем подкупа и диверсионного разложения военной мощи противника, завоевав другие, более мелкие страны, с честью павшие перед неизмеримо более сильным врагом, — «наци» торопливо начали осуществлять дальнейшее развитие своей программы. Так, в Польше, в концлагерях, где заключены польские рабочие, польская интеллигенция, смертность еще весной этого года дошла до семидесяти процентов, теперь она поголовная. Население Польши истребляется. В Норвегии «наци» отобрали несколько тысяч граждан, посадили их на баржи и «без руля и ветрил» пустили в океан. Во Франции, во время наступления, «наци» с особенно садистическим вкусом бомбили незащищенные городки, полные беженцев, «прочесывали» их с бреющего полета, давили танками все, что можно раздавить, потом приходила пехота, «наци» вытаскивали из укрытий полуживых детей, раздавали им шоколад и фотографировались с ними, чтобы распространять, где нужно, эти документы о немецкой «гуманности»... В Сербии они уже не раздавали шоколада и не фотографировались с детьми.

Можно привести очень много подобных фактов.

Все эти поступки вытекают из общей нацистской программы, а именно: завоевываются Европа, Азия, обе Америки, все материки и острова. Истребляются все непокорные, не желающие мириться с потерей независимости. Все народы становятся в правовом и материальном отношении говорящими животными и работают на тех условиях, которые им будут диктоваться. Если «наци» найдут в какой-либо стране количество населения избыточным, они его уменьшат, истребив в концлагерях или другим, менее громоздким способом. Затем, устроив все это подобно господу-богу в шесть дней, в день седьмой «наци», как белокурая, длинноголовая раса-прима, начинают красиво жить — вволю есть сосиски, ударяться пивными кружками и орать застольные песни о своем сверхчеловеческом происхождении...

Все это — не из фантастического романа — именно так реально намерены развивать свою программу в имперской новой канцелярии, в Берлине. Ради этого льются реки крови и слез, пылают города, взрываются и тонут тысячи кораблей и десятки миллионов мирного населения умирают с голоду.

Разбить армии Третьей империи, с лица земли смести всех «наци» с их варварски-кровавыми замыслами, дать нашей родине мир, покой, вечную свободу, изобилие, всю возможность дальнейшего развития по пути высшей человеческой свободы — такая высокая и благородная задача должна быть выполнена нами, русскими, и всеми братскими народами нашего Союза.

Немцы рассчитывали ворваться к нам с танками и бомбардировщиками, как в Польшу, во Францию и другие государства, где победа была заранее обеспечена их предварительной подрывной работой. На границах СССР они ударились о стальную стену, и широко брызнула кровь их. Немецкие армии, гонимые в бой каленым железом террора и безумия, встретились с могучей силой умного, храброго, свободолюбивого народа, который много раз за свою тысячелетнюю историю мечом и штыком изгонял с просторов родной земли наезжавших на нее хазар, половцев и печенегов, татарские орды и тевтонских рыцарей, поляков, шведов, французов Наполеона и немцев Вильгельма... «Все промелькнули перед нами».

Наш народ прежде поднимался на борьбу, хорошо

понимая, что и спасибо ему за это не скажут ни царь, ни псарь, ни боярин. Но горяча была его любовь к своей земле, к неласковой родине своей, неугасимо в уме его горела вера в то, что настанет день справедливости, скинет он с горба всех захребетников, и земля русская будет его землей, и распашет он ее под золотую ниву от океана до океана.

В отечественной войне девятьсот восемнадцатого — двадцатого годов белые армии сдавали со всех сторон нашу страну, и она, разоренная, голодная, вымирающая от сыпного тифа, — через два года кровавой и, казалось бы, неравной борьбы — разорвала окружение, изгнала и уничтожила врагов и начала строительство новой жизни.

Народ черпал силу в труде, озаренном великой идеей, в горячем вере в счастье, в любви к родине своей, где сладок дым и сладок хлеб.

Так на какую же пощаду с нашей стороны теперь рассчитывают «наци», гоня немецкий народ на наши стальные крепости, ураганом несущиеся в бой, на ревущие чудовищными жерлами пояса наших укреплений, на неисчислимые боевые самолеты, на штыки Красной Армии?..

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?

В русском человеке есть черта: в трудные минуты жизни, в тяжелые годы легко отрешаться от всего привычного, чем жил изо дня в день. Был человек — так себе, потребовали от него быть героем — герой... А как же может быть иначе... В старые времена рекрутского набора забритый мальчишечка гулял три дня — и плясал, и, подперев ладонью щеку, пел жалобные песни, прощался с отцом, матерью, и вот уже другим человеком — суровым, бесстрашным, оберегая честь отечества своего, шел через альпийские ледники за конем Суворова, уперев штык, отражал под Москвой атаки кирасиров Мюрата, в чистой тельной рубаше стоял — ружье к ноге — под губительными пулями Плевны, ожидая приказа идти на неприступные высоты.

Три парня сошлись из разных деревень на службу в Красную Армию. Хороши ли они были до этого, плохи ли — неизвестно. Зачислили их в танковые войска и послали в бой. Их танк ворвался далеко впереди во вражескую пехоту, был подбит и расстрелял все снаряды. Когда враги подползли к нему, чтобы живыми захватить танкистов, три парня вышли из танка, у каждого оставаясь последний патрон, подняли оружие к виску и не сдались в плен. Слава им, гордым бойцам, берегущим честь родины и армии!

Летчик-истребитель рассказывал мне: «Как рой пчел — так вертелись вокруг меня самолеты противника. Шея заболела крутить головой. Азарт такой, что кричу во все горло. Сбил троих, ищу прицепиться к четвертому. Сверху — то небо, то земля, солнце — то справа, то слева, кувыркаюсь, ликирую, лезу вверх, беру на прицел одного, а из-под меня выносится истребитель, повис на тысячную секунды перед моим носом, вижу лицо человека — сильное, бородатое, в глазах ненависть и мольба о пощаде... Он кувырнулся и задымил. Вдруг у меня нога не действует, будто отсидел, значит — ранен. Потом в плечо стукнуло. И пулеметная лента — вся, стрелять нечем. Начинаю уходить — повисла левая рука. А до аэродрома далеко. Только бы, думаю, в глазах не начало темнеть от потери крови, все-таки задернуло мне глаза пленкой, но уж сажился на аэродром, без шасси, на пузо».

Вот уж больше полвека я вижу мою родину в ее борьбе за свободу, в ее удивительных изменениях. Я помню мертвую тишину Александра Третьего, бедную деревню с ометами, соломенными крышами и ветлами на берегу степной речонки. Вглядываюсь в прошлое, и в памяти встают умные, чистые, неторопливые люди, берегущие свое достоинство... Вот отец моего товарища по детским играм — Александр Сизов, красавец, с курчавой русой бородкой, силач: когда в праздник в деревне на сугробах начинался бой — конец шел на конец, — Сизов веселыми глазами поглядывал в окошечко, выходил и стоял в воротах, а когда уж очень просили его подсобить, натягивал голицы и шутя валил всю стену; в тощем нагольном полушубке, обмотав шею шарфом, он сто верст шагал в метель за возом пшеницы, везя

в город весь свой скудный годовой доход. Сегодня внук его, наверно, кидается, как злой сокол, на германские бомбардировщики.

Я помню, в избе с теплой печью, где у ткацкого станка сидит молодая, в углу на соломе спит теленок, отгороженный доской, — мы, дети, собравшись за столом на лавках, слушаем высокого, похожего на коня, старика с вытекшим глазом, — он рассказывает нам волшебные сказки. Он побирается, ходит по деревням и ночует, где пустят. Молодая за станком говорит ему тихо: «Что ты все страшное да страшное, расскажи веселую...» — «Не знаю веселую, дорогая моя, не слухал, не видал, — и одним страшным глазом он глядит на нас, — вот они разве увидят, услышат веселое-то...»

Я помню четырнадцатый год, когда миллионы людей получили оружие в свои руки. Умный народ понимал, что первое и святое дело — изгнать врага со своей земли. Сибирские корпуса прямо из вагонов жидались в штыковой бой, и не было в ту войну ничего страшнее русских штыковых атак. Только из-за невежества, глупости, полнейшей бездарности царского высшего командования, из-за всеобщего хищения и воровства, спекуляции и предательства не была выиграна русским народом та война.

Прошло двадцать пять лет. От океана до океана зашумели золотом колхозные нивы, зацвели сады и запушился хлопок там, где еще недавно лишь веял мертвый песок. Задымили десятки тысяч фабрик и заводов. Тот же, быть может, внук Александра Сизова, такой же богатырь, пошел под землей ворочать, как Титан, один сотни тонн угля за смену. Тысячетонные молоты, сотрясая землю, начали ковать оружие Красной Армии — армии освобожденного народа, армии свободы, армии — защитнице на земле мира, высшей культуры, расцвета и счастья.

Это — моя родина, моя родная земля, мое отечество, в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе...

27 июня 1941 года

РУССКИЕ ВОИНЫ

Англичанин Флетчер, ездивший в Россию в конце XVI века, говорил о русских воинах, что они жестоко бьются на поле брани и, окруженные врагом или раненые, не сдаются в плен и никогда не молят о пощаде, но умирают молча, как бы покоряясь судьбе.

Так англичанин объясняет свойство русского воина мужественно принимать смерть. Но мы знаем, что не покорность судьбе заставляла русского воина рубить мечом по насевшим врагам, покуда смертная тьма не застелет глаз его. Не смерть страшна ему в бою, но стыд. Держава русская велика, и не годится русскому человеку, если послали его оборонять честь державы, пятиться ради своего живота. Умирать никому не хочется, но что ж поделаешь! — вышел на бранное поле не для того, чтобы петь песни. Надо биться, и биться надо жестоко.

Воины русские — «...под трубами повиты, под шелками взлелеяны, конец копья вскормлены, пути им ведомы, яры-овраги знаемы, луки у них напряжены, колчаны отворены, сабли изострены, — сами скачут, аки серые волцы в поле, ищучи себе чести, а князю славы...» Так поется в «Слове о полку Игореве» о курянах — дружинниках князя Всеволода Святославича.

Издавна русские считались храбрыми воинами. Русский характер воспитывался в вечной борьбе с врагами, с суровой природой, в огромных просторах земли. В те времена, когда другие народы, вторгшиеся в Европу, получили в наследство культуру погибшей Римской империи, — восточные славяне расселились на пустынных равнинах, по диким рекам, по краю лесов, уходящих на север, по неприветливым берегам и островам Балтийского моря.

Славянин был воин-пахарь, воин-охотник и рыболов, не расстававшийся с мечом и рогатиной ни в поле, ни

в лесу. Долгие зимы не усыпляли ум его, — в лесной глуши, в снегах, в курных избах он складывал песни и плел вязью слов волшебные сказки. Ни один народ в мире не создал столь богатой изустной литературы. В ней отражена вся его сложная, богатая, талантливая, мечтательная, пытливая, веселая и вольнолюбивая душа.

Русским землям грозили с севера финские племена, с востока и юга азиатские кочевники, с запада германские колонизаторы — крестоносцы. Их-то деятельность, кстати сказать, Гитлер и положил в основу фашистской идеологии.

Великий Новгород и Псков пресекли навсегда германскую колонизацию. Не одни только дружинники князя Александра, но все новгородские люди вышли положить живот свой за русскую землю и, встретясь на рыхлом весеннем льду Чудского озера с крестоносцами и чудью белоглазой, побили их в сече столь жестокой, «что льда на озере стало не видно, все покрылось кровию». Александр под колокольный звон въехал в Новгород, и пленные рыцари шли пешие впереди него, как побитые псы.

Двумя годами раньше Александр с новгородской дружиной встретил на Неве, в устье Ижоры, ярла Биргера Фолькунга, вышедшего крестовым походом с большим войском на Русь. Ни ярл Биргер, ни воеводы чужеземные, ни рыцарь-епископ, затеявший этот поход, не вернулись домой с Невской битвы.

Трудно пришлось рыцарям от новгородских ратников. Гаврило Олексич, — так рассказывает летописец, — погнался за бегущим ярлом Биргером до самого его корабля, по мосткам вскочил на корабль и рубился, и был низвергнут с конем в воду, но выплыл на берег и опять кинулся в сечу; наскочив на воеводу, поразил его насмерть и, наскочив на рыцаря-епископа, поразил его всмерть же... Другой новгородец, Сбыслов Якунович, с одним топором врывался в строй рыцарей, закованных в железо, и ужас охватывал их при виде такой ярости. Третий новгородец — Миша с товарищи бросился вплавь к вражеским кораблям и влез на них, и три корабля сжег. Четвертый — Ратмир — один, пеший, был окружен рыцарями и бесстрашно рубился с ними, покуда не упал от множества ран.

После Батыева нашествия отшумела слава Киева

Русская земля стала расти и крепнуть вокруг Москвы, и тогда неизбежная задача встала перед всем народом: свергнуть татарское иго. Хан Золотой орды, Мамай, сильно шалил в то время, подсакивая к Рязани и к Нижнему-Новгороду. В один год князь нижегородский Борис разбил его на реке Пьяне, на другой год князь московский Дмитрий опять разбил его на реке Воже. Тогда Мамай, рассердясь, собрал бесчисленное войско — много сотен тысяч всадников — и двинулся, чтобы положить всю русскую землю пустой.

Дмитрий стал собирать ополчение. Народ сам шел под московские знамена, — у кого был меч, у кого — топор, у кого — рогатина, вместо лат надевали поверх полушубка тегилею — кафтан из стеганого войлока. О возврате домой не думали, а думали о том, что пришел час, когда быть или не быть русской земле.

Стопятидесятитысячное русское войско, в большинстве своем пешее, вышло к Дону, к устью Непрядвы. Когда поднялся осенний туман, вдаль стало темно от татар. Они полумесяцем спускались с холмов на широкое Куликово поле. Русские тоже сошли с холмов, навстречу им. Первым вызвался инок Пересвет на единоборство с татарским богатырем Челубеем. Они разъехались на три прыска лошадиных и так жестоко ударились, что оба войска громко вскрикнули, поединщики пали мертвыми. Тогда начали сечу конные сторожевые полки. Кровь полилась, как вода, на пространстве десяти верст. Коням негде было ступать от трупов. Пешее крестьянское ополчение под тучами стрел и от татарских наездов ложилось, как подкошенная рожь, но умирали не птясь, стояли нерушимо. Мамай, глядевший с холма на побоище, какого не помнили люди ни прежде, ни после, ждал уже скорой победы. Тогда из леса ударил на врага свежий засадный полк. Татары повернули коней и бежали. Бежал и Мамай, бросив русским шатер свой и жен и награбленные сокровища.

Русская земля была раздроблена на многие вотчины и княжества. Она освободилась от татарского ига, но ей начал грозить Запад. Когда Иван Грозный замыслил образовать из самостоятельных или подчиненных Москве княжеств единое русское государство, народ понял это и поддержал его в жестокой борьбе с князьями и боярами, в неслыханной по дерзости военной реформе —

опрочине и в кровопролитных войнах за древние русские вотчины. Многолетняя, победная вначале, борьба Ивана Грозного окончилась военной неудачей, но русское государство было создано и широко раскинулось до Каспия и до Байкала. Земля стала единой и отечество единым.

В наступившее вскорости Смутное время, когда дороги забелели от человеческих костей, сотни верст можно было пройти, не встретив ничего, кроме пепелища, и, казалось, навсегда опустошилось и кончилось Московское государство, — народ сложил песню о той черной године:

Ох вы гой еси, товарищи, люди новгородские,
Покидайте ваших жен, детей, продавайте злато, серебро,
Накупайте себе вострых копиев,
Вострых копиев, булатных ножей,
Выбирайте себе воеводою удалого добра молодца...
Пойдем-ка мы биться да на смертный бой
За матушку, за родную землю,
За родную землю, за славный город Москву.

Народ вывозил из беды русское государство. Но жизнь становилась от столетия к столетию все тяжелее и томительнее. Все грузнее ложилось на богатырские народные плечи ярмо боярской кабалы. Взрывами гнева и страшными бунтами отвечал народ на непосильную тяготу и несправедливость. У него не иссякала никогда справедливая вера в то, что хозяин русского государства — он — народ, оборонивший и поставивший его. Народ берег свое отечество, его нерушимость, честь и славу.

В этом причина того — на поверхностный взгляд — противоречия, что русский солдат из крепостных мужиков, идя под царскими знаменами воевать, мужеством своим и презрением к смерти поражал воображение иностранцев. Нет, не покорность крепостного мужика составляла усатых, суровых, саженого роста солдат фельдмаршала Салтыкова, стоя в несокрушимом каре, принимать на штыки атаки драгун короля Фридриха. Для них отечество и своя жизнь были одно, неразрушимое. В двух битвах — на реке Одере и под Кунерсдорфом — непобедимый доселе король Фридрих, основоположник прусской военно-политической агрессорской системы, был разбит русскими наголову. Никакие его хитрости не помогли: ни сосредоточение артиллерийского огня, ни прорывы сквозь фронт, ни фланговые уда-

ры, — русские полки, «как бы не зная, что такое страх смерти», подавили и пушки, и кавалерию и трехгранными штыками выкидывали прусских солдат, как снопы, из-за флешей ретраншементов. Король Фридрих, в слезах отчаяния, едва-едва ушел на резвом коне от плена. И так уведомил свое правительство: «Наши потери весьма значительны. От армии в сорок восемь тысяч человек у меня не осталось и трех тысяч. В Берлине хорошо сделают, если подумают о своей безопасности. Жестокое несчастье, я его, конечно, не переживу».

Еще не затихли раскаты Пугачевского бунта, народ был связан по рукам и ногам царско-дворянской властью, и Наполеон, вторгаясь в Россию с шестисоттысячной армией, рассчитывал найти в крестьянских и посадских людях верных союзников. Наполеон разбрасывал прельстительные прокламации, обещая крестьянам свободу. Но народ решил иначе — отечество иноземному врагу не отдавать, а свободу взять самому. И в день Бородинской битвы прославленная конница маршала Мюрата напрасно устилала своими телами в железных кирасах русские флешы и редуты, напрасно ливень чугунных ядер обрушивался на русские полки. Армия Кутузова билась, покуда ночь не прикрыла дымящееся Бородинское поле. Умный и хитрый старик Кутузов не писал и не рассылал приказов и в ответ на донесения о ходе боя лишь покачивал седой головой. Он спокойно ждал конца великого сражения: он знал, что сейчас дерется сам русский народ. Он вывел уцелевшую половину не сломленной и не отступившей ни на шаг армии на рязанскую дорогу, чтобы враг, уже пораженный в сердце, но еще сильный, нашел себе гибель в неведомой для него русской партизанской войне.

Русский солдат ходил за Суворовым через Альпы, за Румянцевым в Париж, за Скобелевым на неприступные высоты Плевны. Тяжела была солдатская доля, и часто он не знал, зачем сидит на чужой земле у походного костра, под чужими звездами. Но завтра бой, и он уже надел чистую рубаху, завтра, быть может, смерть, но принять ее надо русскому солдату с чистой душой, мужественно, как подобает по присяге отечеству.

Десять тысяч бойцов Красной Армии легли смертью при штурме валов и проволочных заграждений Перекопа. Этой братской могилой героев заканчивается столько

веков жданная победная борьба русского, украинского и всех шестидесяти народов Советского Союза за светлую и человеческую, новую и справедливую жизнь, за свое отечество отныне и навеки.

И вот — снова в бой с исконным и смертельным врагом всего славянства, с врагом всех народов, строящих мирно, как золотые пчелы, жизнь свою, с врагом человечества.

Вот отчего Герой Советского Союза капитан Гастелло пикировал свой пылающий самолет на вражеские цистерны с горючим. Стыдно ему было бы перед своей чистой совестью зашагать, погоняемому концами фашистских штыков, в германский плен. Сердце закипело восторгом ненависти. Что — жизнь, когда перед тобой подвиг славы!

Наши летчики, танкисты, балтийские и черноморские моряки, красноармейцы, разведчики, артиллеристы, партизаны состязаются в славе. Снова поднялся на великое ратное дело весь народ, как в былые времена, но уже не в тегилеях, с топорами и рогатинами, а закованный в стальную броню, ошетиленный грозными русскими штыками, крылатый и грозный, ведомый в бой отцом, чьи замыслы — победа, чья воля — победа.

Советский человек вышел на поединок с фашизмом

Горят очи его соколиные...
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает.
„Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын,
Вышел я на страшный бой, на последний бой...“

3 августа 1941 года

АРМИЯ ГЕРОЕВ

Дорогие и любимые товарищи, воины Красной Армии, вы встали навстречу врагу стальной грудью танков, жерлами метких и сокрушительных орудий, свинцовым ураганом огня, тысячами боевых самолетов, зорких и смелых, как соколы, быстрых и смертельных, как молнии.

Грозные машины и орудия одушевлены вашей волей к победе, вашей храбростью, которой изумляется весь мир, находчивостью, русской сметкой, стальной стойкостью.

Немцы завоевали всю Европу без большого труда: там в каждой стране задолго до войны были ими организованы «пятые колонны» из разнообразной человеческой сволочи — бандитов всех оттенков, от работающих пером до работающих ножом, из авантюристов, продавших свою честь и совесть и — в первую голову — свою родину. Они разрушали военную мощь европейских стран всеми способами — подкупом министров и депутатов, диверсиями и шпионажем, шумными газетными кампаниями, провокационными погромами демократии, рабочих и интеллигенции. Они вели широкую пропаганду по успокоению Европы. Гитлер, как волк из народной русской сказки, пел тонким голосом:

«Козлятушки-ребятушки, отворитесь, отомкнитесь, ваша мать пришла, молочка принесла...»

Европа мирно дремала, не думая о войне. А когда проснулась от рева германских бомбардировщиков, было уже поздно. Фашисты приставили ей штык к груди и до нитки, вернее, до дверной ручки, до последнего куска хлеба, обобрали ее. Всех недовольных такими порядками фашисты посадили в концлагери, чтобы там умертвить голодной смертью и физическими мучениями.

Гитлеру стору́ча показалось, что с Европой таким образом покончено, и он, рассчитывая, что мы тоже спим и верим ему, предательски бросил в наступление на СССР сто семьдесят своих дивизий. Но тут мировой бандит со своей шайкой дипломатов, проповедников и погромщиков, вышедших из грязи и за один год европейской войны ставших сверхмиллиардерами, ошибся по двум направлениям: с тыла и с фронта.

Ограбленная и униженная Европа оказалась незамиренной. Еще год тому назад — гордые и независимые, а сейчас лежащие со связанными руками и кляпом во рту, европейские народы нашли в своем сердце лютую ненависть к поработителям, почувствовали, что лучше смерть, чем рабство.

И вот, как только хлынула широкой рекой фашистская кровь под ударами Красной Армии, начались в Европе странные происшествия: стали гореть подземные хранилища с бензином, взрываться склады боеприпасов, воинские поезда пошли под откос, полетели на воздух военные заводы вместе с фашистами, поползла по предприятиям, где только возможно, итальянская забастовка, и на стенах домов в городах невидимая рука чертила надпись: «Да здравствует Красная Армия! Да здравствует Сталин!»

Англия, вместо того чтобы капитулировать на море и на суше, как об этом уже давно завопили фашисты на весь мир, стала мощнее в военном и организационном отношении. Бомбежка Лондона и других ее прекрасных городов заставила англичан лишь крепче стиснуть зубы и поставить перед собой во всей непреклонности одну цель: уничтожение Гитлера и фашизма.

Еще этой зимой англичане пустили крылатую фразу: «Положение Гитлера блестяще, но безнадежно...» За последнее время они заявили, что уже владеют воздухом в Западной Европе и не успокоятся до тех пор, покуда в любой комбинации, в любом месте фронта не будут господствовать в воздухе. Мощные эскадрильи английских бомбардировщиков страшными налетами громят германские военные заводы, склады горючего, доки гавани, вокзалы, корабли.

Тыл у фашистов оказался таким, что Гитлеру приходится, как филину, только поспевать вертеть головой. Вторая ошибка Гитлера заключалась в том, что он не

понял и недооценил мощи и духа Красной Армии, мощи и духа нашей родной многонациональной страны.

Нашла коса на камень.

На что рассчитывал Гитлер вместе со своей угрюмой шайкой погромщиков, проповедников и дипломатов? Рассчитывал он, что ли, на то, будто советский человек испугается: «Батюшки-светы, сильнее кошки зверя нет, всю Европу победил, куда мне с ним тягаться!..» Да шапку с головы прочь, да бух в ноги? Плохо нас знают фашисты!

Надо знать, что русский народ, даже в самые трудные и тяжелые времена своей истории, никогда перед врагом-захватчиком шапки не ломал, но уж на крайний случай брал навозные вилы и порол ему брюхо. За святыню — русскую землю — наш народ не щадил жизни своей. Жизнь нам дорога, мы — народ веселый, но дорожке нам жизни родина, склад наш и обычай, язык наш, статья наша, твердая уверенность, что сил у нас хватит и оборонить СССР, и устроить у себя свою особенную, изобильную, богатую всеми дарами земли и ума человеческого, свободную жизнь, такую, чтобы каждый новый человек, появляясь из материнской утробы на свет, получил путевку на счастье...

Фашистам на нашей земле делать нечего. Убьем. В одной русской сказке мужик Капитон говорит царю:

«Погоди, навернесся ты на мене, тогда увидим, который которого наиграет...»

Игра сейчас идет серьезная. Враг сильный и опасный. Для разгрома его нужно организованное, согласное, уверенное, умноженное во много раз напряжение всех сил в тылу, — весь труд, все мысли, всю жизнь — для Красной Армии и победы. Об этом сказал товарищ Сталин. Единодушие охватило всю страну. Красная Армия может быть покойна за свой тыл. Плечи у русского народа крепкие, руки золотые. Ума нам не занимать. Обороняем мы свое — наше кровное отечество, доставшееся в вечное владение народу после мучительной многостолетней борьбы.

Красная Армия — цвет нашей страны — в этой войне с убийцей и грабителем народов выполняет высокую национальную задачу, значение которой для нас неизмеримо.

Взоры всего человечества с надеждой, а у иных наро-

дов с мольбой обращены к Красной Армии. Нас, советских людей, плохо знали, о нас судили вкривь и вкось, — насчет этого фашисты постарались, сея через свою желтую пропаганду ложь и клевету о русских и всех братских народах СССР. Достаточно сказать, что еще в 1937 году за границей дружелюбно настроенные к нам люди спрашивали меня с опаской: правда ли, что женщины в Советской России национализированы, и правда ли, что дети у нас не имеют права воспитываться у родителей — и прочие глупости...

Красная Армия своей стальной мощью, своей храбростью, высоким духом патриотизма, благородства и бескорыстия высоко перед всем миром подняла на своих знаменах имя русского...

Пусть разожмутся навсегда тиски недоверия и предвзятости, и народы мира увидят, что Красная Армия — непоколебимый защитник и друг демократии, свободы, человечности и культуры.

Русский — станет именем, которое дети с колыбели привыкнут благословлять, как избавителя от удушающего смертельного кошмара фашизма.

В этой грозной отечественной войне Красная Армия в единодушии со всей страной сокрушительными ударами по врагу выковывает свободу и счастье нашей родины, свободу и мир народам мира.

Да здравствует армия героев, армия славы, наша грозная и могучая Красная Армия!

9 июня 1941 года

СМЕЛЬЧАКИ

Это было на Северо-западном направлении...

Лежали в пахучей траве, в густом орешнике. Пункт связи укрыт надежно; побледневшее от зноя небо — пустынно. Зной был такой, что, казалось, трещали листья. Где-то неподалеку находилась муравьиная куча, и лейтенант Жабин нет-нет да и смахивал со щеки муравья. Покусывая стебелек травы, он не торопился с рассказом.

— Немецкому солдату думать запрещено, этот процесс у фашистов считается вредным, — говорил он. — Котелок у него не приспособлен для быстрого соображения, — покуда он еще спохватится. Вот на этих секундах мы и выигрывали... А дело было трудное, вспомнить — так задним числом мороз дерет по спине... Ну, и народ, конечно, у нас смелый. Взгляните на связиста Петрова, — по лицу никак не заметно, что отчаянный парень. Чересчур для мужчины смазливый, глаза сонные, — мгла какая-то в глазах, девушке каждый день открытки пишет... Бойцы ему постоянно: «Петров, да кто ты — человек или пень ходячий? Ведь ты же на войне, — расшевелись...» — «Отвяжитесь от меня, — отвечает, — когда надо, расшевелюсь...»

— Товарищ Жабин, как же все-таки вам удалось столько дней пробыть с двадцатью пятью красноармейцами в фашистском тылу и уйти невредимым? — спросил человек с блокнотом на коленях.

Жабин повернулся на бок:

— У меня шофер очень сообразительный. Я ему говорю: «Зачем ты, Шмельков, вертишь эту баранку? Тебе в университет надо, на физико-математический...» — «Да так, говорит, смолоду засосала шоферская жизнь...» Вы спрашиваете — как мы попали к немцам? Мне было при-

казано в местечке П. сосредоточить все средства связи и связь держать со штабом до последней возможности.

Ну, вот я и оказался в окружении. Под вечер два грузовика, битком набитые фашистами, ничего не думая, сунулись в Дубки. Мы немцев спокойно пропустили, с флангов полили их из пулеметов, когда они из машин расползлись, — мы их в штыки. Немцы этого не любят, некоторым удалось убежать, офицер их кинулся в камыши и сидит в воде так, что видны одни ноздри. Взяли у него сумку с важными документами.

Завели мы немецкие грузовики, погрузились в них все двадцать пять бойцов да вот мы с Петровым, за рулем на переднем — Шмельков. Небо заволокло, звезд не видно, луна еще не всходила. Едем по фашистскому тылу вдоль фронта. Час, другой, не встречаем ни души, на западе полыхают зарева, на востоке — стрельба и тяжелые взрывы. По заревам, по грохоту пушек ориентируемся.

Впереди должна быть знакомая деревня. Остановились Петров соскакивает:

— Разрешите мне в разведку.

Вот, думаю, когда человек оживился и девчонку свою забыл.

— Иди.

Он — гранаты по карманам и быстро так, сноровисто умело пошел. Минут через сорок зашелестели кусты, он стоит у кабинки:

— В деревне — колонна фашистских автомашин.

Думаю, — это неприятно. Но дорога одна, справа — слева болота, а возвращаться назад нам нет никакого расчета. Шмельков говорит успокоительно:

— Садитесь, ребята, проедем.

Наши стальные шлемы в темноте могут сойти за немецкие, отличительных знаков не разобрать, только штыки наши русские четырехгранные могут выдать. Я приказал бойцам держать винтовки на коленях.

Скоро увидели мы три синих огонька — германский «стоп сигнал» в голове автоколонны. Шмельков включил свет в подфарки, видим — семитонные грузовики с ящиками, на радиаторах — белый диск с черной свастикой. Сбоку дороги трое офицеров, глядят в нашу сторону и вертят электрическими фонариками. Шмельков дал полный свет в фары, офицеры сморщились, за

слонили глаза ладонями, и мы равнодушно проезжаем мимо автоколонны, отворачивая головы, чтобы не показывать красную звезду на каске. Прибавляем скорость, проезжаем деревеньку, уютную, милую, с тихими хатами среди густых вишен и яблонь, где жить да жить. Деревня пуста, все население ушло.

Около деревянной церкви в открытой машине сидит морщинистый немецкий офицер с дряблым кадыком и фонариком освещает карту. Едва-едва я успел схватить Петрова за руку, — он было высунулся из кабинки, замахнулся гранатой.

Но все-таки офицер что-то заподозрел. Когда миновали село, нас догоняет двадцатисильный мотоцикл с прицепом, в кабине — пулеметчик. Тут Петров и швырнул гранату, да так ловко, что пулеметчик на полтора метра подпрыгнул из кабинки, будто торопился что-то нам рассказать, а водитель вместе с мотоциклом вперед головой кинулся в канаву.

Мчимся в темноте с погашенными фарами. Большое зарево на горизонте отражается за черными кустами: здесь речонка и деревянный мост. Сбавляем ход. Слышим окрик по-немецки. У нас оружие и гранаты наготове, сидим молча. Приближаются две неясные фигуры часовых. Один остановился, другой подошел к кабинке и вглядывается, прижал нос к стеклу, — встретились мы с ним глазами... Вдруг он мне закивал, закивал и — шопотом — ломано по-русски:

— Рус, мост не ехай, там стреляйт фашист...

Километров пять ехали мы по лугу вдоль реки, слушая, как кричат лягушки. Выбрались на дорогу и опять видим синие огоньки, слышим лязг железа, — идут танки, и передний от нас в тридцати шагах.

— Ложись, — говорю бойцам, — чтобы хвост ни у кого наружу не торчал.

Свернули мы к обочине дороги и почтительно, не спеша, едем, пропуская тяжелые черные танки с белым кругом и свастикой, как глаз. Фашисты предполагают, что, например, череп и кости у них в петлицах, черные танки, воюющие бомбы должны наводить панический ужас на врага. Может быть, им виднее. Некоторые дикари надевают на войну маски с клыками и рога, — тоже, говорят, страшно...

За танками шли зенитки, цистерны, грузовики. Вижу —

попали в кашу, и нам тут беды не миновать, надо выбиваться на другую дорогу. Но как повернуть? Повернешься — сейчас же вызовешь подозрение.

Справа от дороги показалась березовая аллея. Шмельков сразу сообразил, в чем тут дело, свернул в аллею, замелькали в глазах белые стволы, и мы прямехонько вкатились на двор совхоза, к гаражу.

Шмельков с ходу развернул машину и начал подавать ее задом, будто бы для заправки. Несколько немецких солдат побежали отворять двери гаража. Вот и хорошо, что Гитлер не учил их думать и скоро соображать. Шмельков, а за ним наша вторая машина, развернувшись, погасили огни и полным ходом дунули обратно в березовую аллею. Позади начали кричать, стрелять, но мы уже выехали на дорогу, где все еще шла автоколонна, и с полным правом, как люди, только что заправившиеся бензином, перегнали танки и свернули в высокую рожь.

На рассвете доехали до лесочка, и тут у нас кончилось горючее. Мы укрыли грузовики и стали закусывать. Вдруг Петров зажал сухарь в зубах и поворачивает голову, вскочил и кинулся в папоротники, — там что-то пискнуло, — и он тащит за руку мальчишку лет девяти, стриженного, тупоногого, со злыми глазами.

— Ну, чего ты? Видишь, я свой, пусти, — говорит мальчик, — я же думал — это фашисты...

— Ты чего тут делаешь, постреленок?

— Я разведчик. Мы с дедом Оксеном работаем.

Оказалось, этот мальчишка и еще пятеро таких же с черными пятками остались на хуторе с восьмидесятилетним дедом Оксеном. Мужчины, женщины с малыми детьми и скотом ушли в лесное болото и оттуда начали партизанить. Штаб был на хуторе у деда Оксена. Шестеро его мальчишек целый день шныряли по окрестностям, не боялись даже подходить к немцам, — будто бы, сопя носом, поклончить сухарика, — все видели, все узнавали и к вечеру сведения относили к деду на хутор. Ночью туда пробирались партизаны, и дед раздавал им работу: в таком-то месте расположился штаб, — его надо уничтожить, в такое-то место подвезли бензин, там подошел танковый взвод, который требуется подорвать.

Мальчишка оказался очень смывленный. Покуда солнце не встало, он нас повел на другой конец села, — полз, чертенок, как ящерица, в папоротнике, мы за ним

едва поспевали. Там, на опушке, стояли заправочные цистерны и пять истребителей.

С этим делом мы справились без большого труда. Когда грохнули выстрелы моих снайперов и дозорные немцы, шагавшие, чтобы не задремать, около своих окопчиков, повалились носом в землю, мы выскочили из папоротника: «Ура!» Этот крик тяжело действует на немецкие нервы, не то, что воюющие бомбы. Повысыпали фашисты из земли, из щелей, — кто руки сразу вверх, кто, как чумной, крутится, стреляя из автомата. Одного летчика вытащили за парашютные ремни прямо из истребителя. Свидетелей этого дела не оставили. Подожгли цистерны и самолеты и вернулись в лес. Мальчишка нам говорит:

— Я побегу, прощайте, — скажу деду, а то он на этот аэродром собирался послать большую партию...

Здесь мы провели весь день. Слышали, как проехали танки и прочесали пулеметами лес, но мы были хорошо укрыты. Решили ночью пробраться вдоль Двины, ища слабого места. У фашистов сплошного фронта нет, — они наступают очертя голову, узкими клиньями, и — если у тебя котелок варит — всегда можно проскочить.

Ночью пошли развернутым фронтом, с пулеметами на флангах. Вдалеке пылал город Д., по всему городу пламя выбивало под самые тучи. Фашисты любят такие иллюминации много больше, чем ходить в кино; вокруг горящего города бьют с самолетов по бегущим, загоняя детей, женщин, стариков обратно в огонь.

Ну, ладно... Мы были так злы, — сами искали — с кем бы сцепиться. Остановили легковую машину с тремя офицерами и перед смертью заставили их повернуть морды на город Д., чтобы зрелище это показалось им менее занимательным, чем кино. Порезали много проводов связи. Напали на колонну в двенадцать цистерн, перебили прислугу, выпустили и подожгли бензин, — и сами не были рады: очень яркое получилось освещение. Выследили три танка на медленном ходу и пожалели, что нет у нас с собой бутылок с горючим. Все-таки Петров и двое красноармейцев-гранатометчиков, взяв у товарищей побольше гранат, забежали вперед, притаились в обочине дороги и бросили связки гранат — каждый под свой танк. Передний встал на дыбы, два другие, подо-

рванные, только и смогли, что палить кругом в темноту.

Так шли всю ночь полями, перелесками и добрались до хутора, где немцы, видимо, еще не появлялись. В одном, другом домишке ставни закрыты, на дворе ни воробья; вдруг на одной хатенке, на соломенной крыше, запел петух на зеленый рассвет. Видим — у крыльца стоит низенький лысый старик и сухонькая старушка и ждут смерти.

— Старик, — говорит она, — да никак это наши...

И давай нас крестить и каждого целовать. А нам не со старушкой целоваться, мы — голодные. Старик принес каравай и стал резать, раздавать ломти, а старушечка — мазать их маслом, с приговором: «Кушайте, родные кушайте, заступники...»

Дневать на хуторе было неудобно. Старик обулся, надел баранью шапку и повел нас лесными болотами на деревню, где помещался у них партизанский лазарет. К нам сбежалась вся деревня, женщины повели нас по избам. Обижать добрых людей не хотелось, пришлось подчиниться: дорожный человек костоват и черен, по старому обычаю его надо помыть, накормить и обласкать. Женщины сами нас разули, у кого ноги были стерты — вымыли их, дали чистые портяночки и давай угощать всем, что у кого было в печи.

Петров, — гляжу, — опять размяк, в глазах мгла и влага... Крестьяне сильно нас уговаривали, чтобы остаться с ними партизанить... И нам этого хотелось... Но — долг службы...

Лейтенант Жабин легким движением приподнялся...

— Воздух! — скомандовал он.

В траве, между ореховыми кустами, сейчас же началось движение. В небе, на небольшой высоте, обозначились пять фашистских бомбардировщиков. Не прошло и трех минут после того как пункт связи сообщил о них на аэродром, появилось звено наших истребителей. Как натянутые струны — грозно и сильно — пели они, круто поднимаясь к строю бомбардировщиков... И фашистские тяжелые машины, блеснув крыльями, начали поворачивать. Но было поздно... С выцветшего неба донеслась слабая трескотня пулеметных очередей. Истребители настигали. Один из бомбардировщиков качнулся, клюнул носом и пошел вниз, за ним потянулась полоса дыма...

ТАРАН

«Славяне никогда ничего не поймут в воздушной войне — это оружие мужественных людей, германская форма боя», — так сказал Гитлер. Но слова — словами, а факты — фактами.

Бомбардировку с пикирования и парашютный десант фашистская авиация заимствовала от советской авиации. За полтора года европейской войны и за семь недель воздушных боев на Восточном фронте фашистская авиация не выдвинула никаких новых достижений. Несмотря на хвастливые заявления Гитлера, она ведет себя отнюдь не мужественно. Немецкие бомбардировщики и истребители, за крайне редким исключением, боятся вступать в бой с нашими самолетами. Они обычно спешат спрятаться за облака или, атакованные, притвориться подбитыми, пикировать и уйти впритирку к земле. Даже когда их вдвое больше, они не пытаются помешаться отвагой и ловкостью.

Отчего это происходит? Происходит это от признания немцами превосходства боевых качеств советских летчиков. Тут уж ничего не поделаешь — ворон соколу не товарищ.

Советские летчики — в большинстве рабочая и колхозная молодежь с могучим здоровьем, со стальными нервами и врожденной удалью. Им небо — просторное поле для поединка, самолет — крылатый конь, а фашист, вынырнувший из тучи, — жданный противник, с кем надо сразиться на смерть.

Советский летчик никогда не уклонится от боя, и чем ближе к нему опасность, тем злее его сердце, тем расчетливее его движения, тем стремительнее его рефлексy. Вот он один в небе, над ним плывет фашистская эскадрилья бомбардировщиков. Не плохая пожива! На худой

конец он свою жизнь обменяет на пятерых фашистских летчиков. Его истребитель поет, как струна, заносясь выше в небо, и падает, как крик на стаю, чтобы разбить строй бомбардировщиков и напасть, на выбор, на одного, на другого, уклоняясь, кувыркаясь, пронизывая противника очередями из тяжелых пулеметов: это свирепый, но, как у всех русских, напряженно расчетливый восторг боя.

Бомбардировщик — прочная бронированная машина он может загасить вспыхнувший у себя пожар и лететь дальше, он может уйти, если даже у него подбит один мотор. Стремясь во что бы то ни стало не дать уйти врагу, советские летчики создают новую форму атаки. Фашисты не осмеливаются ее применять. Это также одна из причин их уклонения от встречи в воздухе с нашими истребителями.

Я говорю о таранении в воздухе врага при условии не только сохранения своей жизни, но в некоторых случаях и своей машины.

На-днях я был в авиачасти, на боевом аэродроме чтобы поговорить с летчиком-истребителем Виктором Александровичем Киселевым. Дня за два до этого он таранил и сжег немецкий бомбардировщик, причем сам отделался легкой царапиной на щеке. Правда, машина его погибла.

Идем по огромному полю, кое-где можно различить замаскированные истребители. Дежурные машины наготове, в них сидят летчики, повесив впереди себя меховой шлем с наушниками. Около звеньевого — в траве, на коленях — телефонист, не отрывающийся от трубки. Трава по-осеннему желтая, мирно поддувает ветерок и мирно плывут тучи. Здесь же, на поле, производят ремонт машин: к одному самолету подъехал грузовик с маленьким подъемным краном, на котором висит новый мотор у другой машины сменяют крылья. Приземляются и уходят огромные транспортные самолеты. Кое-где под ветвями низенькие палатки-шалаша, в них на сене одеяла, подушки и книги, здесь живут летчики. Обедают они на поле, за длинными столами. Автобус-кухня развозит сытные завтраки, обеды и ужины.

По полю к нам идет, не спеша, Виктор Киселев, вписавший свое имя в список героев воздуха. Он смуглый от солнца и ветра, как все здесь на аэродроме. Подойдя,

рапортует комиссару, что явился. Затем стоит, застенчиво поглядывая на нас серыми веселыми глазами. Среди приехавших — женщины, и он несколько стесняется, что у него на щеке царапина. Показывает, вынув из кармана, трофеи: железный крест, снятый со сгоревшего фашиста, финскую медаль и разрывную пулю германского тяжелого пулемета.

— Товарищ Киселев, расскажите, как вы его таранили?

— Вышло это не совсем удачно, — говорит он, наморщив лоб. — Я уверен — таранить можно так, что свой самолет непременно останется цел. Погорячился, и получилось не как хотел. Практики не было. — Он скромно улыбается, комиссар смеется. — Патроны у меня кончились, противник пробил мне масляный бак и радиатор, мотор у меня вот-вот должен заклинить. Ну, конечно, азарт, не хочется его упустить. Подхожу к нему снизу, чтоб царапнуть его винтом по хвостовому оперенью, — рассчитать можно правильно, чуть-чуть только задеть кончиком винта. Струя масла залила мне козырек, плохо вижу. Подкрался, в это время струя воздуха от самолета бросает мой истребитель кверху. Тут я погорячился. Таранил его сверху, врезался ему в левый бок.

— Удар был сильный? Что вы почувствовали?

— Ничего я не почувствовал. Надо было предусмотреть, а я, видишь, ударился щекой об ручку, просто говоря, по-глупому. Сразу же вражеский самолет исчез. Был в лучах прожекторов — и нет его. Мой истребитель вошел в штопор. Один виток, другой виток, третий виток. Хочу вывести его из штопора, вижу — нет, надо прыгать. Сразу ноги подобрал с педалей, приподнялся, высунулся, струей меня и перегнуло. Не могу выбраться из кабины, как прилепило.

— А ваш истребитель штопором летит вниз?

— Ага. Всего-то бой был на тысяче двести метров. Я уперся одной ногой и вывалился. Считаю до восьми. Шарю парашютное кольцо, а кольца нет. Оказалось, оно у меня подмышкой. Дернул, парашют раскрылся. Опускаюсь, вижу, на земле горит только один самолет, а другого нет. Неужели, думаю, это мой, а противник ушел? Неприятную пережил минуту. Оказалось, горел немец. А мой истребитель, — мы его потом два дня искали, — упал неподалеку в лесу, ушел в землю, как сна-

ряд, на поверхности торчало одно хвостовое оперение.

Вот другой рассказ — лейтенанта Катрича.

— В десятом часу утра я получил сообщение, что один самолет противника идет курсом на Москву. Взлетаю и замечаю в воздухе белую полосу, образуемую конденсацией паров. Беру направление на эту дымчатую дорожку. С высоты шести тысяч метров вижу чуть заметную точку. Противник был выше меня и далеко впереди. Надеваю маску кислородного прибора. Самолет на этой высоте ведет себя лучше, чем у земли, — это меня радует. Точка впереди растет и принимает форму самолета. Различаю опознавательные знаки, вижу стрелков в стеклянной кабине. Высота — восемь тысяч метров, дистанция — сто метров. «Теперь не уйдешь!» Прошиваю пулями от хвоста к мотору весь самолет противника. Только после этого фашисты меня заметили. Стрелок из кабины отвечает огнем. Я вновь повторяю атаку, даю длинную очередь и вижу вспышки пламени на левом моторе противника. После третьей атаки у меня кончились боеприпасы. Стрелок хвостового оперения молчал. Я убил его. Левый мотор дымил, но бомбардировщик продолжал лететь. Он рассчитывал, что у меня скоро кончится горючее. Принимаю решение таранить.

О том, как надо таранить самолет и в каких случаях это делать, я много думал. Первое сообщение о подобных героических поступках наших летчиков меня сильно взволновало. Но они, тараня противника, теряли свой самолет. Я пришел к выводу, что можно таранить, сохранив самолет. Настало время проверить мое решение. Быстро сближаюсь с бомбардировщиком. Захожу ему с левой стороны, прицеливаюсь носом на хвостовое оперение с таким расчетом, чтобы только кончиком винта зацепить стабилизатор и киль. Расчет оправдался. Раздался легкий стук, я мгновенно убрал газ и тут же отвернул истребитель в сторону. Когда я вышел из разворота, самолет противника, перейдя в крутое планирование, быстро неся к земле. Я планирую вслед за ним. Бомбардировщик делает несколько попыток выровняться, он форсирует мотор, добивается на несколько секунд горизонтального полета, но вновь теряет управление, входит в крутое пикирование, врывается в землю и вспыхивает.

К нему уже бегут крестьяне, работавшие в поле. Тогда я решаю идти на свой аэродром. Мотор работает

безотказно, но погнувшийся винт дает большую вибрацию, самолет трясет. Посадка прошла благополучно.

Старший лейтенант Еремеев, участник многих воздушных боев, ночью атаковал фашистский бомбардировщик и расстрелял по нему весь боекомплект. К атакованному им фашисту подходил второй неприятельский самолет. Тогда Еремеев решил идти на таран. Он также, под-ойдя снизу, пропеллером отрубил стабилизатор и руль поворота, и фашистский бомбардировщик рухнул на землю. К этому списку таранщиков нужно прибавить Героев Советского Союза Талалихина, Здоровцева, Харитонов и других летчиков-героев.

В истории авиации таран совсем новый и никем и никогда, ни в одной стране, никакими летчиками, кроме русских, не испробованный прием боя. Впервые на таран пошел знаменитый летчик Пётр Нестеров. Это произошло 26 августа 1914 года. В этот день был протаранен первый немецкий самолет. Ныне советские летчики значительно пополнили список «подсеченных» немецких машин, открытый их славным предшественником — Петром Нестеровым. Советских летчиков толкает на это сама природа, психология русского крылатого воина, упорство, ненависть к врагу, смелость, соколиная удаль и пламенный патриотизм.

Нет, господа гитлеровские вороны, — «богатыри не вы!» Воздух принадлежит лишь смелым, сильным, талантливым, инициативным советским крылатым людям. Авиация — это русская форма боя. Небо над нашей родиной было и будет наше.

16 августа 1941 года

МОСКВЕ УГРОЖАЕТ ВРАГ

Ни шагу дальше! Пусть трус и малодушный, для кого своя жизнь дороже родины, дороже сердца родины — нашей Москвы, — гибнет без славы, ему нет и не будет места на нашей земле.

Встанем стеной против смертельного врага. Он голоден и жаден. Сегодня он решился напасть на нас и пошел на нас... Это не война, как бывало, когда война завершалась мирным договором, торжеством для одних и стыдом для других. Это завоевание, такое же, как на заре истории, когда германские орды под предводительством царя гуннов Атиллы двигались на запад — в Европу для захвата земель и истребления всего живого на них.

В этой войне мирного завершения не будет. Россия и Германия бьются на смерть, и весь мир внимает гигантской битве, не прекращающейся уже более ста дней.

Враг нас теснит. Над Москвой нависла угроза. Враг собрал оружие со всей покоренной Европы. У него пока еще больше танков. В эту битву он бросил все, что мог. Его тыл, как дупло гнилого дерева. Остановленный в эти дни, он именно сейчас, захлебнувшийся в своем наступлении, перейдет к обороне и изнеможет...

Наша задача в том, чтобы остановить гитлеровские армии перед Москвой. Тогда великая битва будет выиграна нами. Силы наши растут. День и ночь наши танки во все увеличивающемся количестве готовятся на машиностроительных заводах Союза. Заводы Днепропетровска, Днепродзержинска, Запорожья, Брянска, Киева эвакуированы в глубь страны.

Настанет час, когда мы перейдем к решающей фазе войны — наступательному удару по германскому фронту.

Но чтобы перейти к этой фазе войны, нужно сейчас и немедленно остановить врага.

Ленинград нашел в себе величие духа. Ленинград сурово, организованно и твердо принял на себя чудовищный удар германских танковых и стрелковых корпусов. Ленинградцы, красноармейцы, балтийские моряки отбросили их и жестко приостановили наступление. Сейчас здесь немецкий фронт, истекающий кровью, медленно начинаст пятиться.

На-днях один из моих друзей прислал открытку из Ленинграда: «... настроение у нас бодрое, работаем. На кафедре у меня сквозняки, дырки в стенах. Лекции читаю. Опирирую. Вечером прихожу к сыну, приношу коглеты, кусок хлеба, вареной картошки; мы сидим в темноте в Военно-медицинской академии и смотрим в окно на черную Неву, на силуэты домов, на зарево по горизонту. Верим в скорую победу, а значит, в скорое счастье...»

Одесса долго сдерживала наступление вчетверо превосходящей по силам румынской армии. Защитники Одессы оттянули большие силы врага, уложили на подступах к городу сотни тысяч фашистских молодчиков.

Ленинград с честью выполняет свой долг перед родиной, на подступах к нему враг захлебнулся в крови. Жребий славы и величия духа выпал теперь на Москву.

Мы, русские, часто были благодушны и беспечны. Много у нас в запасе сил и таланта, и земли, и нетронутых богатств. Не во всю силу понимали размер грозной опасности, надвигающейся на нас. Казалось, так и положено, чтобы русское солнце ясно светило над русской землей...

Черная тень легла на нашу землю. Вот поняли теперь: что жизнь, на что она мне, когда нет моей родины?.. По-немецки мне говорить? Подогнув дрожащие колени, стоять, откидывая со страха голову, перед мордастым свирепо лающим на берлинском диалекте гитлеровским охранником, грозящим добрать кулаком до моих зубов? Потерять навсегда надежду на славу и счастье родины моей, забыть навсегда священные идеи человечности и справедливости — все, все прекрасное, высокое, очищающее жизнь, ради чего мы живем... Видеть, как Пушкин полетит в костер под циническую ругань белобрысой немецкой сволочи и пьяный немецкий офицер

будет мочиться на гранитный камень, с которого сорван и разбит бронзовый Петр, указавший России просторы беспредельного мира?

Нет, лучше смерть. Нет, лучше смерть в бою. Нет, только победа и жизнь.

На-днях я был на одном из авиационных заводов, где делаются истребители, которые немцы называют «черная смерть». Они были сконструированы незадолго до войны. Их конструкция и вооружение изменяются и улучшаются в процессе производства. Потери наших металлургических заводов не замедляют выпуска «черной смерти», он увеличивается с каждым днем: нехватка каких-либо материалов немедленно заменяется иными, местными материалами. Здесь, на заводе, — неустанное творчество: инженеры, начальники цехов, мастера, рабочие изобретают, приспособляют, выдумывают... И тут же за воротами, на аэродроме, новые и новые грозные птицы, созданные творчеством русского народа, поднимаются на воздух и с тугим звуком натянутой струны улетают на запад — в бой...

На всех наших заводах идет та же напряженная творческая, изобретательская работа. На место уходящих на фронт приходят женщины и молодежь. Перебоев нет, темпы растут. Те из работников, от кого зависит выполнение и перевыполнение ежедневного плана, или же те, кто на ходу перестраивает производство, работают по трое или по четверо суток, не выходя из цеха. У них потемневшие от усталости лица, усталые глаза ясны и спокойны. Они знают, что еще много-много дней не будет сна и отдыха, они понимают, что в этой войне русский гений схватился на жизнь и смерть с гигантской фашистской машиной войны и русский гений должен одержать победу.

Красный воин должен одержать победу. Страшнее смерти позор и неволя. Зубами перегрызть хрящ вражеского горла — только так. Ни шагу назад. Ураганом бомб, огненным ураганом артиллерии, лезвиями штыков и яростью гнева разгромить германские полчища.

«Если бы русские знали свои силы — никто бы не мог бороться с ними, а от их врагов сохранились бы кое-какие остатки», — так писал в XVI веке один из писателей, побывавший в Москве... Он прав. Но теперь мы знаем свою силу...

Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали.
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали...

Родина моя, тебе выпало трудное испытание, но ты выйдешь из него с победой, потому что ты сильна, ты молода, ты добра, добро и красоту ты несешь в своем сердце. Ты вся в надеждах на светлое будущее, его ты строишь своими большими руками, за него умирают твои лучшие сыны.

Бессмертная слава погибшим за родину. Бессмертную славу завоюют себе живущие.

18 октября 1941 года

КРОВЬ НАРОДА

Говорили, что Москва сгорела от копеечной свечки. Наполеон, задумывая поход на Россию, не предусмотрел этой копеечной свечки и слишком поздно понял, что огонь ярого воска горит в каждом сердце русского человека, и Россия — не какая-нибудь Пруссия, которая сразу же — при первом ударе под Иеной — покорно стала на колени ради спасения животов своих.

Россия широка, и размах ее жизни широк. Сжигая древнюю Москву, чтобы один пепел достался наполеоновской двенадцатизычной армии, русские спасли свою святыню — отечество: сохранен будет корень — высохнут слезы, заживут раны, и миллионы золотых рук — камень за камнем — заново сложат Москву, богаче прежней.

С не меньшей жертвы началась жизнь молодой, вконец разоренной, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. В начале восемнадцатого года пришлось дорогой ценой купить короткую передышку, чтобы собрать разметанные силы страны, создать на смену распавшейся царской армии революционную Красную Армию и спасти основное и главное: независимость, где забил источник всечеловеческой правды. Или погибнуть, или завоевать себе право устроить жизнь по правде — так был поставлен вопрос, и все промежуточные компромиссные решения отвергнуты.

Немцы тотчас же вероломно и подло нарушили условия договора 1918 года. Известен их план — присоединения навечно Украины, Донбасса и Крыма, овладения Черным морем, Кавказом, Месопотамией, Персией и вторжения в Индию. Пригрозив Москве ультиматумом, они потребовали передачи им Черноморского флота.

В ответ на это черноморские моряки вывели весь флот на рейд в Новороссийске и потопили его. Когда эсминец «Керчь», выполнявший эту операцию, подошел к последнему кораблю — линкору «Свободная Россия» — и выбросил торпеду, моряки, стоявшие на «Керчи», сняли фуражки. Линкор, как живой, боролся за жизнь — сквозь взрывы и потоки воды было видно, как дрожала его мачта. Только после четвертой торпеды он начал погружаться. Моряки утерли слезы и поклялись отомстить за это дело, поклялись победить, не щадя жизни своих.

Меньше, чем в четверть века, наша страна выросла в могучий, неисчислимо богатый Советский Союз, грозный для врага и верный в дружбе для друзей своих. И вот перед нами стоят новые жертвы, и снова — то же решение: отдать всего себя, все силы для победы.

Несколько месяцев длится битва — упорная, ожесточенная и кровавая, какой не знало человечество. Германские армии, мобилизованные для завоевания всего мира, встретили, не ожидая того, жестокого и беспощадного соперника. До сих пор соотношение сил — вооружения и людской численности — на стороне немцев. Все заводы Европы готовят оружие Гитлеру, и даже вводя поправку на бомбардировку его заводов, на саботаж покоренных стран и партизанское вредительство, — оружия, в особенности — танков, у него до последних дней было больше нашего.

И все же первая фаза войны — «молниеносной» — была им проиграна. Не удался высокомерный расчет Гитлера: сохраняя свои резервы, возможностями только 175 танковых и стрелковых дивизий разгромить Красную Армию и бросить Советский Союз, в отчаянии, на колени, на его немилость.

Эта неудача Гитлера повлекла целый ряд серьезных последствий. Она таила в себе ту же неумолимую логику событий, как и роковая неудача немцев под Марной в 14-м году. Неудача Марны, казавшаяся вначале эпизодом, логически привела к разгрому и капитуляции вильгельмовской Германии.

Неудача «молниеносной» войны вызвала со стороны Гитлера необходимость ввести в бой все свои людские и материальные резервы и перевести Германию и покоренные страны на жесткий, голодный, террористический ре-

жим, с нашей стороны это дало нам возможность быстрой мобилизации основных сил Красной Армии и военной промышленности, и на шахматной доске истории позволило сделать, — совсем уже неожиданно для Гитлера, — шах королю — трехглавым конем: Советская Россия — Англия — Америка.

Вторая фаза войны проходит у Гитлера под угрозой потери инициативы, в системе его стратегического плана получился разрыв, появилась неизбежность зимней кампании, чудовищной растраты людских резервов и вооружения и — в то же время — усиления его противника.

Гитлер теперь ничего не щадит, любыми жертвами он хочет поправить первую неудачу, вернуть время вспять и трупами четырех, пяти, энного количества миллионов немцев загородить своего короля от шаха трехголового коня. Предельным напряжением всех сил он добивается окончания войны до зимних холодов или, уж на худой конец, размещения своих армий на зиму в Москве и Ленинграде.

Немецкие дивизии, укомплектованные мальчишками и почтенными немцами, у кого в сердце только отчаяние и ужас, наступают. Румынские, венгерские, итальянские дивизии двинуты туда же — в кровавую бойню. Все это лезет на наши укрепления, дико вопит, отчаявшись жизни, гибнет, гибнет, и новые волны идут по трупам. Их поят водкой, их понукают наведенными в спины пулеметами. Это нашествие смертников.

Хотел бы я на минутку заглянуть к Гитлеру в его роскошный кабинет или шикарное бомбоубежище... «Что вы думаете делать дальше, немец, каковы ваши перспективы?»

«Русские отступают!» — заорал бы он, раньше чем отправить меня к палачу, чтобы топором отрубить голову.

Красная Армия отступает, но Красная Армия ни раз не была разбита, вам не удалось ее ни окружить, ни пошатнуть. Не всякий боксер, начавший из последних сил молотить кулаками, не щадя своих скул и носа выигрывает драку. Тот выигрывает драку, у кого в запасе больше физических и моральных сил. У вас они истрачены, ваш тыл пустой, ваше наступление напоминает августовское наступление Людендорфа в 1918 году, когда он рассчитывал только на чудо — и чуда не совершилось. На какое чудо вы сейчас рассчитываете? Кра-

ная Армия опирается на могучий тыл и на волю народа к победе, а ваш тыл похож на гнилое дупло. Красная Армия вас остановит, на зиму вам придется перейти к обороне и поджигать ножки, как тараканам, выброшенным на снег. В наступление вы бросили все, как неразумный игрок, стиснувший от бешенства зубы. Германский бог вам не поможет и не пошлет крылатых валкирий для весеннего наступления. Вам придется думать об отступлении и бегстве. В Ленинград вам не удалось ворваться, там триста тысяч немцев уже кормят могильных червей. Два раза вы пытались наступать на Москву, — под Ельней ваши дивизии были позорно разгромлены, из-под Брянска генерал Гудериан едва унес половину своих танков. Мы не хвастаемся этими нашими удачами, наши удачи впереди. Мы лишь только обнаружили перед всем миром, что немецкая якобы непобедимость — пугало для детей. И вот — примите уверение, что Москвы вам не взять. Красная Армия и русский народ Москвы немцам не отдадут.

В третье — октябрьское — наступление на Москву немцы естественно и логично должны были начать с успеха: у них в местах удара было подавляющее преимущество в людской силе и танках. Мы потеряли Брянск, Вязьму и Орел. Москва в опасности.

На этом и закончится вторая фаза войны — отчаянного, бешеного наступления Гитлера, но не его победой, о чем он уже широко оповещал мир, не зимними квартирами немцев на Тверской, Мясницкой и Арбате, не фотографическим снимком самодовольно ухмыляющегося Гитлера у Спасских ворот Кремля. Нет, поход его на Москву закончится нашей великой всенародной победой: в эти грозные дни германские армии будут остановлены перед Москвой и лягут в снега.

Фронт наших отступивших красных дивизий уплотняется и насыщается. Большое количество артиллерии и других огневых орудий стягивается на подступах к Москве. Подходят людские подкрепления. Англия и Америка насытят наш фронт могучим вооружением. На всех заводах Советского Союза усиливается выпуск танков, самолетов, орудий, оружия и боеприпасов. Инженеры и рабочие по несколько суток не выходят из цехов, чтобы поднять круто вверх график выпуска продукции. Русское сердце участило свои удары, и они, как молотом

набатным колоколом, раздаются по всей земле. Москва в опасности.

Мы сравниваемся с немцами в самом насущном — в количестве танков. И Гитлер оттянет руку от трехголового коня, глядящего ему в кошачьи глаза с непоколебимой ненавистью: умри, погибни!

Наши жертвы велики. Разрушены и разорены города, врагом захвачен Киев — мать городов русских, сожжены без числа села и деревни, вытоптаны нивы, миллионы советских людей стонут под игмом свирепых завоевателей — немцев, о которых только можно сказать, что они заставили нас и весь мир перестать верить, будто из Германии когда-то шел тихий и чистый свет науки, философии, поэзии и гуманизма.

Нам самим пришлось погубить любимого первенца наших пятилеток. Мы взорвали плотину Днепрогэса. Когда части Красной Армии, сдерживая врага, позволили закончить эвакуацию всего имущества, был включен рубильник, и красавица плотина, открывшая дерзкую и героическую эпоху превращения в пятнадцатилетний срок отсталой России в передовую страну мощной индустрии и механизированного сельского хозяйства, взлетела на воздух. Днепр хлынул в бреши в сорок метров длиной, и воды его затопили позиции фашистов на правом берегу. Обнажились пороги, и черным зубом с днепровского дна снова, как встарь, поднялся Неясый, преграждая водный путь.

Днепрогэс строил весь советский народ, отдавая все сбережения, урезывая насущные потребности. Строили его десятки тысяч строительных рабочих, комсомольцы, инженеры, ученые, строили рабочие на заводах Ленинграда, Москвы, Харькова, Криворожья и других городов, строили его и те безвестные граждане, кто за тысячи верст от Днепра ворчали на скудость жизни и все же несли и свою копеечку строящемуся великому будущему страны. Бетон плотины Днепрогэса уложен на трудовом поте всего стасемидесятимиллионного народа.

Днепрогэс дал жизнь огромному комбинату старых новых заводов — металлургических, механических, алюминевых, ферросплавов, коксовых, заводов Днепропетровска, Запорожья, Днепродзержинска, Кривого Рога. Днепрогэс поднял воды Днепра, и пароходы побежали от Орши — через пороги и шлюзы — в Черное море.

Киев соединился с морем. Прокатная сталь, алюминий, ферросплавы, кокс пошли на заводы Советского Союза.

Дорого бы дали немцы, чтобы весь Днепровский мощный промышленный узел, вместе с питающим его Днепротэсом, невредимым попал им в руки. Сколько лишних боевых машин построили бы они, как бы пополнили свои катастрофически тающие запасы сырья, сколько бы добавочно снарядов обрушили на наши головы...

Этого не случилось. «В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага... Срывать все его мероприятия... При вынужденном отходе все ценное имущество, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться...» — таковы указания товарища Сталина.

Мы взорвали все шахты в Криворожье, превратили в груды развалин верфи в Николаеве. В городах днепротэсского индустриального узла взорваны электростанции, водопроводы и трамвайные парки. В этих, еще недавно шумных, городах — пустыня и мертвая тишина, по ночам тьма, и воду немцам приходится возить в бочках из Днепра.

Мы сами уничтожили один из мощных узлов металлургии и промышленности. Немцам не досталось ничего, — развалины, пустые корпуса пустых заводов. Все оборудование заводов Днепропетровска, Днепродзержинска, Запорожья, Кривого Рога, Никополя, все машины, станки, оборудование и ценное сырье было заблаговременно вывезено в глубь страны, в разные промышленные районы, частью смонтировано в новопостроенных корпусах, частью обогатило оборудование действующих заводов. И на сегодня в эвакуированных электропечах уже начинает плавиться сталь, станки точат снаряды и растачивают орудия, на станах прокатываются плиты для танков, гидро- и паромолоты куют мощь Красной Армии.

Уничтожая своими руками эти огромные ценности, созданные священным трудом народов нашего Союза для своего грядущего счастья, мы не вытирали слез, у нас их нет, их иссушила ненависть. И клятва наша: за гибель — гибель. На гибель себе, на гибель фашистским полчищам заставил Гитлер нас дать эту клятву смерти. Миллионами своих могил покроют немцы все дороги от подступов к Москве до линии Зигфрида.

Но не мы, а Германия будет отвечать за все эти разрушения, за наши жертвы. Мы заставим немцев восста-

новить наши заводы и города до последнего кирпичика. Так будет справедливо. Теперь уже не наши капли пота, а немецкие будут цементировать бетон новой плотины Днепрогэса, немцы пусть за это благодарят Гитлера...

Немцы несут ответственность за те ужасы, несчастья и разрушения во всех странах, куда вторглись немецко-фашистские орды. Немецкому народу, если он не опомнится и не покончит с кровавым режимом Гитлера, вновь придется пройти по кровавым следам своим, но уже не как воину-агрессору, но потрудиться — восстановить разрушенное и залечить наши раны. Так будет справедливо.

Но жертвы самой большой, но Москвы в жертву мы не принесем. Пусть Гитлер не раздувает ноздри, предвкушая этот жертвенный дым.

Звезды над Кремлем кинжальными лучами указывают русским людям: вперед! Вперед — на сокрушение врага, Вперед — за нашу свободу, за нашу великую Родину за нашу святыню — Москву.

19 октября 1941 года

ПЕРВЫЙ УРОК

Один немецкий пленный будто бы сказал: «Не знаю, победим мы или нет, но мы научили русских воевать».

На это можно ответить только: «Мы победим — мы знаем, и мы вас — немцев — навсегда отучим воевать».

Школу войны Красная Армия проходит не у немецких профессоров. В исключительно трудной обстановке отступлений под натиском заранее отмобилизованной для завоевания мира фашистской армии и контрударов по ней Красная Армия не только не растеряла боевых качеств, не превратилась в бегущее стадо, как на это надеялся Гитлер и как об этом вопил Геббельс во все микрофонные завертки, но крепла с каждым месяцем, выбрасывая из себя все негодное и неспособное, нравственно вырастала, набирала опыт, обучалась на ходу новейшим тактическим приемам, порождаемым особенностями этой войны. Советскому народу не впервые было решать на опыте трудные задачи. Весь наш двадцатичетырехлетний путь — это смелость и дерзость, талант и выносливость русского и братских нам союзных народов. Разве мало на этом пути было у нас битв и потерь? Решили никем еще никогда не решаемую задачу и вынесли на широкую дорогу великую идею советского государства. Фашизм подверг нас еще более трудному испытанию. В шестимесячном опыте кровавого побоища, развернувшегося от Ледовитого океана до Черного моря, возмужали и окрепли красноармейские полки и дивизии, их командиры и полководцы. И вот настал день, когда слава о молодых русских генералах облетела весь мир. Слава о величайшей исторической битве на всей огромной полудуге Московского фронта увенчала молодые дивизии Красной Армии. Пятьдесят фашистских дивизий,

густо насыщенных танками, артиллерией и авиацией, имея жестокий приказ: ценой любой крови взять Москву штурмом, — отброшены, растерзаны и потрепаны. Воздушное шествие прокатилось по всем нашим тыловым республикам, краям и областям. Кончилось наше отступление, по германскому фронту нанесено пять мощных ударов: первый — так называемый «черный день Гитлера» — под Ростовом, где донское и кубанское казачество, обрушившись с флангов на беспорядочно отступающую армию генерала Клейста, вырубало шашками в крошево целые немецкие полки и батальоны; второй — под Ельцом; третий — под Тихвином — удар, разорвавший сомкнувшееся было кольцо вокруг Ленинграда и освободивший дорогу на Вологду; четвертый — под городом Калинином и наконец, пятый — на Московском фронте.

В свое время рейхсканцлер Бисмарк заклинал германского императора — не совать палку в берлогу русскому медведю: «русские долго запрягают, но зато быстро ездят на своей тройке».

Опытные генералы рейхсвера умоляли Гитлера не делать рокового шага, не связываться воевать с русскими, — и, кстати сказать, — поплатились головой за свое благоразумие. Мы сами не раз предупреждали Германию: «Вы не представляете, какие скрытые силы таятся в русском народе и в братских советских республиках. Не надо будить этих грозных сил, мы не ищем горя немецкому народу... В борьбе с нами вы изнеможете, сломите себе хребет, погибнете, «аки обры», погибнете, как швед под Полтавой, как Наполеон под мужицкими вилами. Или вы не помните, не знаете старых традиций русской армии — крепнуть и закаляться в огненном горне войны, как сталь под молотом...» Гитлер снова, — как это уже было в конце июля, когда сорвалась молниеносная прогулка его армий, — уехал с Восточного фронта в Берлин и там, беснуясь на заседании фашистского рейхстага, уснащая свою речь чрезмерным употреблением впечатляющих слов, вроде: «кровь», «смерть» «смерть и смерть», — отложил до весны взятие Москвы.

Чтобы не дать немцам опомниться от такого крутого поворота русских событий, он на другой же день оглушил Германию объявлением войны Соединенным Штатам Америки. Теперь, заявил он, «все в порядке». Гер-

мания в состоянии беспощадной войны со всем миром, осуществлена капитальная фашистская программа:

- а) завоевание Европы,
- б) уничтожение большевистской России,
- в) разгром США,
- г) полный контроль над обоими океанами,
- д) поднятие флага со свастики на пупе земли.

Теперь любой непобедимый солдат в шевелящейся от паразитов гимнастерке, покрытый чесоткой и фурункулами, с обмороженными ногами, со вшивой головой, разломанной от зубной боли и грохота русских снарядов и мин, понимает, что изо всей гитлеровской программы за два года, несмотря на истребление миллионов людей, превращение в пепел и щебень десятков тысяч городов, уничтожение на полсотни лет вперед всевозможных запасов сырья, продовольствия, несмотря на человеческие страдания, перед которыми ужасы, рассказанные в Апокалипсисе, кажутся нам сказкой для детей, — ни один пункт программы Гитлера не выполнен. Даже пункт «а», если рассмотреть его по существу — диалектически — неутешителен: завоеванная Европа превратилась в адскую машину, засунутую под походную койку Гитлера. Пункт «б» оказался роковой ошибкой: в русской войне фашистская Германия надорвала свои силы, «потеряла сердце», пьяный громила Гитлер бешено хватил кулаком в дверь, а дверь-то железная...

Реляции его непобедимых генералов стали похожи на старый солдатский анекдот:

«Ваше благородие, я неприятеля поймал...»

«Веди его сюда».

«Так он не идет...»

«Ну, иди сам сюда...»

«Так он меня не пускает...»

Для завоевания мира Гитлеру нужно непременно перелезть через Советскую Россию, именно на наших пространствах решается судьба мировой войны. Ее решает Красная Армия, развертывая свои богатырские силы, нарастающие в злобной борьбе с гасителями человеческого счастья. Ее решает непримиримая ненависть партизан, этого второго — народного — фронта, не взятого на учет гитлеровской стратегией. Ее решают

подъем и организация труда в наших тылах, где эвакуированные заводы уже действуют, а те, что еще на колесах, начнут скоро работать на полную мощность. Ее решает патриотическая гордость советского воина и советского человека — не посрамить земли русской. Ее решает дух большевизма: не отступать ни перед какими трудностями, преодолевать все, даже невозможное, даже самую смерть.

Недаром сказано: «Человек — это звучит гордо». Ее решает самоотверженный труд английского и американского пролетариата, посылающего нам многочисленные транспорты с оружием и военными материалами через арктические льды и по запывавшим водам Тихого океана. Ее решает наш Верховный главнокомандующий сухопутными, воздушными, надводными и подводными силами Красной Армии, — уверенно и спокойно сидя в Кремле, он продумывает на пятнадцать ходов вперед великую игру отечественной войны и с лукавой усмешкой шурит глаза, видя, как бешеный щенок Гитлер делает одну роковую ошибку за другой и как теперь, после декабрьских поражений, грязным носом тщетно ищет новую лазейку из своего логовища, из которого нет больше выхода — с треском захлопнулась дверь.

Действительно, теперь любопытно, прямо-таки интересно, какие еще счастливые перспективы этой войны развернет Гитлер перед одураченной Германией. Трудно, трудно что-либо придумать... Бросить на убой в Россию еще 6 миллионов? Останется тогда для завоевания мира чересчур уж реденькая армия, так как всего под ружьем у Гитлера со всеми резервами из старых бухгалтеров было в начале мировой войны миллионов 14—15. Топить английские и американские военные флоты нечем. Фашистский линейный корабль «Бисмарк» с двойной командой пущен на дно английскими воздушными торпедами. Надежда на друзей «оси» — лишь отсрочка того неминуемого часа, когда тощие ноги Гитлера, успокоенно покачиваясь, повиснут над тротуаром с фонарного столба... Запустить в какую-либо из воюющих стран для провокации нового Гесса — увы! — нечего и пытаться: Рузвельт и Черчилль всеми

словами выразили непоколебимое желание народов Америки, Китая, Голландской Индии, Австралии, Канады, желание почти двух миллиардов грозно организовавшегося в военный союз человечества раз и навсегда вырвать с корнем фашистский чертополох, так, чтобы и память о нем исчезла. Для этого все средства налицо.

Гитлеру остается одно: еще и еще — до невозможного предела — угрозой смерти, голода, уставленными в затылок пулеметами ожесточать немецкий народ, опьянять его кровью, оттягивать день гибели.

Немцы страшны, и еще много намерены пролить они человеческой крови. Нам ни на мгновение нельзя утешаться. Впереди и грандиозные битвы, и случайности войны, и — шаг за шагом — поражение и конечный разгром всех фашистских армий. Ни на мгновение нам нельзя ослабевать в организации трудовой дисциплины, в подаче боевой продукции на фронт, в дальнейшем развитии сельского хозяйства и промышленности: и в мартеновском цехе, и на танковом конвейере, и в сборочной моторов, и за чертежным столом конструктора, и на кафедре университета, и за школьными партами, и в кабинете ученого, писателя, драматурга, композитора, и в студии кино, и в огнях театральной ramпы. Из нашей жизни должно быть устранено без пощады все то, что надеется как-нибудь чужими руками вернуть свое утраченное благополучие... Война всенародная — против тотальной — это смотр и мобилизация всех волевых сил, всего творчества страны. И день, когда в сияющем небе наши боевые самолеты напишут дымной вязью дивное слово «мир», — день этот будет началом нового труда и нового творчества, не менее напряженного, но более счастливого. Война дала нам одно дыхание, одно биение сердца, одну волю. Наряду с близкими задачами обороны мы должны уже сейчас ставить перед собой задачи дальнего прицела. Мы далеко шагнем вперед, перейдя через усилия и страдания войны. Война выдвинула и еще выдвинет все лучшее, все творческое, все дерзкое, бесстрашное, волевое, — все, чего, может быть, не успевали выдвинуть более медленные темпы мирной жизни. Война произведет отличный человеческий отсев, и многим придется посторониться, ко-

гда впереди выступит победитель, украшенный золотой
пятиконечной звездой. И он уверенно и гордо подни-
мет голову к небу, в котором боевые самолеты буду-
т писать дымными словами: «Вперед, к строительству
счастья, вперед по золотым вехам Сталинской Консти-
туции!»

19 декабря 1941 года

ЗА СОВЕТСКУЮ РОДИНУ!

В XXIV годовщину Красной Армии исполняется восемь месяцев битвы на главном и решающем участке фронта мировой войны, где вооруженные народы Советского Союза, во главе с народом русским, после беспримерного по выдержке отступления перешли в беспримерное по ярости наступление на мощные и свирепые силы германского империализма, выдумавшего фашизм и Гитлера для своих обширных целей.

Военный план порабощения мира задуман был широко и глубоко. В Эссене, на сверхзасекреченных заседаниях, люди с «профилями римских императоров», попыхивая сигарами, упростили живые страсти человечества, сведя их к трем функциям: мучениям голода, страху смерти и потребности совокупления; до мелочей обсудили подробности гигантского предприятия; предусмотрели все случайности, неизбежные в ходе ведения такой большой войны, и, встав с глубоких кресел, роняя пепел сигар на черные жилеты, сказали своему генеральному производителю работ — Гитлеру: переводите на полную мощность всю систему принуждения, давайте полный газ во все моторы военной машины, — вперед! Земной шар должен быть завоеван в кратчайший срок.

Все было рассчитано и предугадано в этом арифметическом расчете, все, кроме небольшой, казалось бы, Незвестной Величины, путавшейся между цифрами. Ее вычеркивали, сшибали щелчком, — она снова появлялась то как множитель, то как делитель в грандиозных формулах империализма.

Люди с «профилями римских императоров» верили только в цифры, в количество. Они пришли к заключе-

нию, что упрямая Неизвестная Величина попала в их счетные книги из давно отжитого мира романтических иллюзий, и они для простоты согласились считать ее равной нулю.

Увы! Кто из этих королей стали, угля, тяжелого машиностроения, этих директоров трестов и объединенных банков мог бы тогда предположить, что Неизвестная Величина спутает и перевернет их широко задуманные грандиозные планы, опрокинет их арифметику бездушных цифр!

Повторяю, — Неизвестную Величину они сочли равной нулю и уверенно двинули фашистскую военную машину на завоевание Европы, затем — в Советскую Россию и тут же сразу и наскочили на Неизвестную Величину.

До трехсот моторизованных немецких дивизий бросились на наши пограничные войска, громя советские аэродромы и тысячами танков врезаясь сквозь ряды Красной Армии. Стреляя по немцам до красного накала стволов, красноармейские части бросались в контратаки — один на десятерых... И отступали, — вернее, пятились, как львы, грызя и ломая уставленные рогадины.

Гитлер — и с ним все немецкое дурачье — уже торжествовал скорую победу, — еще бы! — какие цифры своего актива он мог обнародовать перед потрясенным миром: Красная Армия смята, каждый день к его ногам падают белорусские, украинские и русские города, и многонациональный Советский Союз, кажется, только и ждет завоевателей-немцев, чтобы развалиться, как глиняный горшок...

Но люди с «профилями римских императоров», будучи умнее и опытнее истерического дуболома Гитлера, уже видели, что наступление-то наступлением, города-то городами, а всему делу мешает эта Неизвестная Величина, присутствие которой лишь в слабой степени было обнаружено в Европе, — зато в Советской России она, обливаясь кровью, растет и ширится, и крепнет, и цементирует фронт и тыл Советского Союза.

Неизвестная Величина расшифровалась, раскрыла свое таинственное имя. Она оказалась психологией советского и, в первую голову, русского человека, кото-

рый, крепко хлебнув от напитка Свободы, познал, что, помимо человекоубийственных цифр германского империализма, под живоносным солнцем существует высшая справедливость, начертанная золотыми буквами в Сталинской Конституции, и существует Советская Родина — страна отцов и дедов, уготовленная для счастья сыновьям нашим и внукам.

Психология советского человека изменила весь ход мировой войны, и она и есть то чудо под Москвой, на которое была способна только наша страна, наш народ и Красная Армия. Отступавшие красные армии остановились. Остановились колеса десятков тысяч вагонов, с которых было выгружено оборудование военных заводов. Старики-рабочие, девушки, подростки, даже дети — на мерзлой земле, под летящим снегом — установили станки и, не дожидаясь, когда площадки цехов будут покрыты крышами, уже точили снаряды и ковали броню...

И вот настали те исторические минуты, которые решали судьбу нашей родины и вместе с ней судьбу всего свободного человечества. Товарищ Сталин под жерлами дальнобойных фашистских орудий взошел на мавзолей Ленина и обратился к сердцу народа русского, народа советского: победа, — он сказал, — теперь победа за нами.

И тогда двадцать восемь гвардейцев умерли под Москвой, перекинув своими телами мост красным армиям к победе и славе. Тогда комсомольцы, израсходовав ручные гранаты, кидались на пулеметы врага и своими разорванными сердцами гасили огонь фашистов... Тогда красавица Зоя, запишавшая в своем дневнике: «Лучше смерть, чем поцелуй без любви», дала последний поцелуй Родине, когда, истерзанная пытками, — не сказав палачам ни слова, — повисла на виселице, и лицо у нее, мертвой, оставалось прекрасным.

Передо мной лежит документ, относящийся еще к концу августа, к разгару немецкого наступления, документ подпольный, написанный группой крупных германских промышленников масштаба Тиссена и Круппа. Эти господа бьют тревогу. «Гитлер, — пишут они, — оказался не реальным политиком, знающим чувствование меры, но фантастом, не желающим прислушиваться к голосам здравого рассудка... Своей дилетантской внеш-

ней политикой он объединил против Германии три самых могущественных державы мира: русскую армию, английский флот и американскую промышленность; навязывая расовую теорию, «пригодную лишь для внутреннего употребления в Германии», он восстановил против Третьей империи народы всего земного шара; бросившись на Россию, он сделал войну бесперспективной... Мы предвидели, что германская армия достигнет еще некоторых успехов, но в конечном счете считаем войну безнадежно проигранной и Германию поставленной на край страшной гибели...»

Вот к каким грустным выводам привело пренебрежение этих господ Неизвестной Величиной.

Прошло восемь месяцев войны, — срок, в который созревает человек в утробе матери. За восемь месяцев в тяжелых испытаниях и муках в Советской России созрел, закалился человек борьбы — смелый, выносливый, переимчивый, бесстрашный в ярости — русский воин, гордый сын народа, уверенный, что — какие бы ни поставлены были перед ним трудности — придется их преодолеть и он преодолет...

Славную армию, суровую в своей нравственной высьоте, создал и воспитал товарищ Сталин и орлята его высокого ленинского гнезда... Трудна и тяжела ее задача — выбивать немцев из укрепленных и минированных узлов, из блиндажей семиметровой глубины, окружать фашистские дивизии, которые хорошо обучены трудному искусству отступления, разгадывать все немецкие хитрости, все дьявольское коварство врага...

Но русский человек таков, что, если поставлена перед ним нравственно-высокая задача, — именно высоко-нравственная, — то уж пятиться он и не может, — стыд для него страшнее смерти. Со стыдом жить нельзя, а кто бы в наше грозное время и захотел жить со стыдом — все равно жить не будет, как тот двадцать девятый под Москвой, казненный своими же товарищами-гвардейцами.

Красная Армия — гордая армия. Гордость русского человека — без шума и лишних слов. Донские казаки, те, что по возрасту еще не были мобилизованы, — увидев, что немцы творят на Дону, — наточили клинки, выпустили чубики из-под смушковых шапок и сели на коней...

Гордость русского человека — скромная. Он без толку вперед не полезет; он знает, что черед все равно до него дойдет, — и тогда, засучив рукава, гвоздь вобьет крепко.

Надо было подсобить Владимиру Ильичу Ленину — установить власть Советов наперекор всем чертям, — установили. Надо было выгнать из Украины и Донбасса полумиллионную оккупационную армию немцев, — выгнали. Надо было в пятнадцать лет, понастроив заводов, перегнать Европу, — перегнали... Надо лететь через полюс, — полетели. Надо, умываясь в кровях, сшибиться и опрокинуть величайшую в мире немецкую армию, — опрокинули. Надо удвоить производство оружия, — утроили. Надо спасти человечество от фашистской заразы, — спасаем... Хотя иной раз и честят нас, русских, советских, что мы смокинга не надеваем, садясь в избе ужинать, и крыши все еще соломой кроем, — ничего, это все придет. Мы — народ гордый, рабочий, выносливый и, раз взявшись за дело и рассердясь, доведем его до конца.

Зимнее наступление Красной Армии происходит в невыразимо тяжелых условиях. Сорок градусов мороза есть сорок градусов для немца и для русского, и идти вперед на ураганный огонь врага, волоча — по грудь в снегу — пулеметы и пушки, трудно, подвозить снабжение трудно. Немцы сидят в тепле — по городам и по селам, в блиндажах с печурками, а если у них раздражена нервная система от поражений, от завшивленности и расстроены желудки от злоупотребления курами, — то зима тут ни при чем, и, если их выгоняют из теплых помещений на мороз в одних подштанниках, опять-таки тут ни при чем русская зима, которой оправдывается Гитлер.

Немцы бросают сейчас на пополнение свои весенние резервы, среди которых семнадцатилетние мальчишки. Наши резервы почти не тронуты. Немцы сильны, очень сильны. Но мы — могучи. Это нужно твердо запомнить, — особенно тем доморощенным стратегам, кто, прочтя утром сводку, ползает пальцем по карте, расстраиваясь, что сегодня-де нами как-то мало взято населенных пунктов...

Красная Армия могуча, и могуч дух и силы рабочих

и работниц наших оборонных заводов. Могуча сила народов советских республик и областей... Могуча сила колхозная. Для своей Красной Армии советский народ ничего не пожалеет. Одним болеют все — торопят победу; одним болеют — сломать фашистский фронт, полностью разгромить врага. Одно в умах народа: да живет Красная Армия и несет славу отечества нашего на победных своих знаменах.

23 февраля 1942 года

ДРУЖБА НАРОДОВ СССР

Было время, когда арабы и тюрки под зеленым знаменем шли на завоевание ветхих и уже обреченных внутренней борьбой на гибель древних цивилизаций Средиземного моря, или когда монголы, гонимые мечтой о цветущих городах Бактрии, Согдианы, Хорезма и Харасана, о пышных степях Волги и Дона, двигались из песчаных пустынь на запад. Эти передвижения народов, этот способ огнем и мечом добывать себе счастье предшествовал великой гуманитарной цивилизации. Века Ренессанса, Просвещения и век величайших открытий — девятнадцатый век — создали такие высокие и неисчерпаемые духовные и материальные ценности, что — казалось бы — остается один только шаг для создания всеобщего мирного процветания.

Народы Советского Союза первые сделали этот шаг в сторону создания всех условий для освобожденного труда и, преодолевая все трудности и все коварство врагов, доказали миру, что коммунизм осуществим. Но на пути к нему на наши плечи, как голодный волк, кинулся кровожадный враг, и нам пришлось перековать серп на меч и послать наших сынов драться за отчий дом.

Чтобы победить, нужно хорошо знать врага — его силу и его слабость. Немецкий народ изумил весь мир: никто не мог даже отдаленно представить себе ту быстроту и легкость, с какой немцы, считавшиеся культурными, просвещенными и воспитанными на правилах общечеловеческой нравственности, превратятся в зверей. Да что там — в зверей! Ни один зверь, если он не взбесился, не способен на такую жажду уничтожения и крови, на такие изощренные мучительства, как это делает немецкий солдат.

Вся немецкая нация вовлечена Гитлером в кровавое преступление. Ступайте назад в свои могилы, Чингизхан, Тамерлан и Сулейман Великолепный! — вашими именами не испугать теперь даже детей, увидавших зверства немцев Гитлера. Эти дрожащие в худых шинелишках, обовшивевшие, с небритыми щеками и воспаленными глазами немцы обучены только одному: кричать «хайль Гитлер!» и лезть, как саранча, по своим трупам вперед. Они готовятся завоевать мир и стать классом господ — геррменшами. Слов нет, добыча не плохая. Но мир не захотел быть завоеванным немцами, и это обстоятельство явилось как раз основной, капитальной и роковой ошибкой гитлеровской политики.

Миновало время, когда приходилось объяснять, что задача войны Гитлера — это уничтожение свободы и независимости народов, разгром национальных культур, разрушение дотла всего великого и прекрасного, что веками создавалось трудом и гением народов, — все это теперь стало известно даже в отдаленных уголках земного шара. Чудовищные, истребительные, рабовладельческие задачи Гитлера широко обнародованы. Создание «пятых колонн» стало вещью невозможной. Надежды Гитлера на создание национальной вражды между народами не оправдались. Он не обманет более никого.

Политически Гитлер проиграл войну.

Его стратегическое положение тяжелое, он окружен и разорвать окружения не сможет; английский военный флот почти безраздельно властвует в Атлантическом океане от Гренландии до мыса Доброй Надежды, и установление английского контроля в Средиземном море и тем самым смертельный удар по Италии — дело ближайшего времени; Красная Армия преграждает немцам дальнейшее продвижение на восток — к богатствам Урала, Баку, Средней Азии и Сибири; ни возрастающей мощи Красной Армии, ни этих пространств немцам не преодолеть, — их военная машина не была рассчитана для таких масштабов; гитлеровские армии достигли предельного напряжения, и наибольшие успехи для них позади, эти успехи не только не принесли немцам определенного решения в общем развитии войны, но значительно ослабили их силы, приготовленные для завоевания мира, — они тратят их сейчас безрассудно и

бесперспективно; в то же время Англия получила возможность развернуть свои армии и догнать немцев в вооружении, о чем свидетельствует недавний разгром в Ливии танковых дивизий генерала Роммеля.

Две наших значительных победы — истребление восьми немецких дивизий под Ельней и поражение под Брянском танкового корпуса Гудериана — сыграли чрезвычайно важную роль в общем ходе войны на Восточном фронте. Немцам пришлось стянуть все свои резервы, обнажая тылы, и возобновить наступление на Москву при вдвойне невыгодных для себя условиях — в осеннюю распутицу и в зимние холода и имея перед собой обновленную свежими частями и усилившуюся вооружением и численностью Красную Армию. Неприступность Ленинграда, ужасающие — длящиеся скоро уже два месяца — бои на подступах к Москве, упорство калининского участка фронта и, наконец, блестящая победа армий маршала Тимошенко под Ростовом — вот те рубежи, на которых ломается стратегия германского генерального штаба. План разгрома Советской России в семьдесят дней оказался неосуществимым потому, что был построен на ложных предпосылках, будто Советский Союз есть искусственно созданный организм, раздираемый внутренними противоречиями и национальной враждой.

Весь расчет молниеносной войны на востоке был основан на этой роковой для Гитлера ошибке, и поэтому так смехотворны и неубедительны все усилия его подрывной пропаганды, включая сбрасываемые с самолетов листовки, над которыми смеются красноармейцы. В Советской России он потерпел одно из своих наиболее крупных политических и стратегических поражений.

Немецкие солдаты Гитлера и страшны и жалки. Отдав себя целиком — всей нацией — в распоряжение мажорантной политике фюрера, — в которой наглость заменяет проницательность, истерическая фантазия честолюбца заменяет ум, а закон джунглей — нравственность, — немцы подготовили себе участь — быть истребленными. Бедствия, страдания и ужас, на который они обрекли европейские народы, с такой же силой обрушатся на немецкие головы.

Напрасно рассчитывали немцы, что Гитлер приведет

их к победе, что солдат дивизии «Викинг», покрытый славными рубцами от ран, получит кругленькое именье на Украине или, что еще лучше, хлопковые поля и сады в благословенной долине Ферганы, где, посаывая сигару, с бичом подмышкой, он будет хозяйски поглядывать на дешево ему стоящих батраков — узбеков и узбечек, трудящихся, затаив слезы, на его полях... Напрасная мечта немца в ледяных окопах под Можайском! Да и вряд ли там ему найдется время мечтать о приятных вещах.

«Разделяй и властвуй» — старая политическая формула. Но разделять надо умеючи и властвовать умело. Древний Рим и Византия властвовали над варварским миром потому, что были несравнимо более цивилизованны и культурны. Гитлер применяет эту формулу «в лоб», как диверсант и жулик. Чтобы разделить, он создал «пятые колонны» из отборной сволочи, — любителей ножа и револьвера, — он играл на низменных инстинктах и подлости, для чего в Берлине были даже изданы секретные альманахи по всем странам, где против имен политических деятелей и известных лиц сообщались их тайные слабости: один картежник, другой равнодушен к мальчикам, третий подмочил хвост на биржевых операциях. Подлец сам — иным Гитлер не представляет себе человека, подлость и закон бандита он объявил новой психикой класса господ — германшей.

Правда, он достиг кое-каких благоприятных для себя результатов в Западной Европе. Но в крупном он проиграл. Ему не удалось раздробить клиньями «пятых колонн» Английскую империю, и даже его последняя выходка с Гессом была воспринята англичанами как мелкое и грязное дельце; несмотря на бешеные усилия, ему не удалось удержать от вмешательства в войну здравомыслящий народ Соединенных Штатов и их дальновидных правителей; Гитлера вытолкали втрищи из Сирии, Месопотамии и Ирана; он потерял весь Восток, и, думать надо, его скоро вышвырнут вместе с итальянцами и французскими агентами из Северной Африки.

Но самое горькое разочарование постигло его в Советском Союзе. Одному из крупнейших шпионов и разведчиков Гитлера пришлось положить голову на плаху

под топор за неправильную информацию о «колоссе из глиняных ногах», готовом рассыпаться при первых же ударах. Колосс, — это действительно, — Советского Союза под ударами войны лишь врос стальными ногами крепче в родную землю, и не противоречия и национальная вражда, но высокое чувство братской дружбы всех народов, любовь к своей и для всех общей родине, жгучая и деятельная ненависть к врагу руководят его делами, мыслями и чувствами. Победа во имя жизни, свободы, независимости, национального развития, культуры, во имя счастья, которое мы все построим для себя своими руками!

Генерал Клейст, вторгаясь на Донбасс и Дон, очевидно, рассчитывал поднять казачество против советской власти. Мы верим, что Клейст внимательно читал мемуары генерала Деникина, но сомневаемся в его политической и стратегической мудрости. Донское и кубанское казачество вместе с украинцами, грузинами, армянами, азербайджанцами, узбеками, таджиками, казахами, вместе с братьями — воинами из всех советских республик ответили генералу Клейсту единством тыла и таким ударом, что застонала земля под ногами у немцев.

Геббельс много раз сообщал на весь эфир о полном развале советского тыла. Придется еще кое-кому в Берлине отрубить голову за ложную информацию фюреру. Мы видим иную картину: железную волю партии, твердо опирающуюся на волю народа к победе. Тыл наш крепнет и быстро организуется в новых условиях производства вооружения и формирования неисчерпаемых военных резервов.

Так, сельскохозяйственная республика Узбекистан, производившая лишь хлопок, шелк, фрукты и прославленный на весь мир каракуль, за время войны перестраивается в индустриальную страну, осваивая много новых заводов, и уже посылает на фронт оружие. Здесь строятся подъездные пути, роются каналы, отыскивается свое железо, свой уголь, осваиваются новые поливные площади для хлеба. Узбек понимает, что защита его молодой свободы, его родного дома, где под корнями пирамидальных тополей журчит вода в арыке, — там, под Москвой, под Ростовом, под Ленингра-

дом, где плечо о плечо с русским воином дерутся братья, говорящие на разных языках, но думающие одним умом и любящие и ненавидящие одним сердцем.

У нас одна родина, один фронт и один тыл. Их не поразить семи отравленным стрелам из колчана Гитлера, о которых как-то упомянул Геббельс. Единение и братство — наша несокрушимая броня.

Не нужно обольщать себя слишком ранними надеждами, — убыль германских наступательных сил обнаружится не сразу, немцы будут всячески скрывать это, изыскивая все новые средства для пополнения армий людьми, оружием и средствами уничтожения, пока не сломаются от перенапряжения и истощения, как это было в 1918 году, и такая же внезапная и катастрофическая придет к ним гибель. По многим данным можно рассчитывать, что это случится в конце лета 1942 года. Это случится при одном единственном условии, — если мы все — от мала до велика — удвоим и утроим темпы нашей оборонной работы, если каждый из нас — от мала до велика — поймет, что каждый час, тобой потерянный для оборонного труда, будет стоить жизни твоего брата на фронте.

У узбеков есть древняя клятва: «Пусть я стану мужем моей матери, если я побегу от врага». Мы все клянемся не осквернить святости нашей родины — отдать жизнь, отдать все силы, всю нашу волю великому делу победы над кровожадным врагом, разгрому армий Гитлера, уничтожению навсегда из человеческой памяти самого слова «фашизм».

Да здравствует дружба народов Советского Союза
Да здравствует гордо поднятое над Московским кремлем святое знамя Красной Армии!

5 декабря 1941 года

КТО ТАКОЙ ГИТЛЕР И ЧЕГО ОН ДОВИВАЕТСЯ?

Врага нужно знать. Кто такой Гитлер? Вот что рассказывает один из его бывших друзей.

Гитлер — австриец, сын мелкого таможенного чиновника, настоящая фамилия его — Шикльгрубер.

Образование у него — среднее. В школе учился плохо, мечтал стать художником, но за отсутствием таланта работал одно время маляром в строительной конторе. За отказ войти в профсоюз и также за антисемитизм был снят с работы. Тогда он стал чертежником и в общем не отличался от среднего обывателя. Во время империалистической войны служил при штабе Баварского полка и дослужился до ефрейтора... В одной военной переделке был отравлен газами, едва не ослеп, и тут-то его нервность перешла в истерию, вплоть до галлюцинаций... Но пока еще эти качества не находили у него применения.

В 1919 году, после разгрома революции в Мюнхене, он стал работать следователем в особой комиссии, и тут впервые получил вкус к человеческой крови, сочиняя обвинительные акты и подводя германских революционеров под расстрел.

В то время в Мюнхене образовался первый кружок той партии, которая впоследствии получила название «национал-социалистской». Гитлер, по поручению кружка, выступал как лектор по антисемитизму. В кружке он значился под номером седьмым.

Но его на первые места не выдвигали, он исполнял роль, так сказать, барабанщика кружка. Отличительная его черта — чертовское тщеславие. Гитлер — человек с надрывом, истерик.

После двухчасовой речи — воротничок на нем мокрый, как жгут вокруг шеи, волосы прилипли к вискам, пу-

говиты оторваны, безумные глаза, лицо похоже на сыр. Он любит пророчествовать, как шаман.

По целому ряду объективных причин такой истерический шаман производил сильное впечатление на мелкого буржуа.

Гитлер требовал «ночи длинных ножей для евреев», — и это поражало мешанское воображение. Гитлер требовал военного похода на большевистскую Москву, завоевания Украины и расселения на роскошных приднепровских землях голодающих немцев... Еще большее впечатление.

Гитлер был рупором, с одной стороны, крупных германских промышленников, больше всего на свете боявшихся революции, с другой — шайки авантюристов, пробивавшихся к власти зубами и ногтями.

Гитлер со всем его окружением — авантюристов, личностей с уголовным прошлым и с уголовным будущим — возник как язва в больном теле Германии. Пробравшийся жульническим путем в канцлеры, а затем путем кровавой провокации взявший всю власть, он — «фюрер» — начал свою разрушительную работу.

Террор и голод получила Германия взамен кисельных берегов. «Выбирайте — нищету или войну», — заявил Гитлер одураченным немцам, и началась семилетняя обработка и подготовка молодого поколения, предназначенного к убою. «Солдат не должен знать больше того, что он знает. Солдат не должен думать, за него подумал фюрер», — так гласит первый пункт полевой книжки фашистского солдата. Все соки страны выжимались досуха на вооружение. Германия стала единым военным лагерем, военной машиной, предназначенной для осуществления грабительских планов Гитлера и его шайки. Эти планы распухали с каждым днем в его истерическом воображении. Еще бы, к его услугам было восемьдесят пять миллионов немцев, скрученных в бараний рог.

Каковы же военные планы Гитлера? Первоначальный план его заключался в разгроме Советской страны.

Для похода на Советскую Россию нужно было согласие на невмешательство в эту авантюру Европы. Гитлер всеми средствами запугивал неизбежностью коммунистической революции. «Или фашизм, или коммунизм, —

истерически завывал он в эфир. — Я один в состоянии раздавить коммунизм в Советской России и во всем мире. Развяжите мне руки...» Ему не поверили, рук для похода на Советскую Россию не развязали, тогда военный план его с той же истерической быстротой перевернулся с головы на ноги. Он решил сначала напасть на Европу, уничтожить ненавистную Францию, поставить Англию на колени и уже тогда, очистив свой тыл, вернуться к самому жирному куску, к Советской России.

Так началась вторая мировая война. Что же Гитлеру нужно от нас, русских, украинцев, белоруссов и всех братских народов СССР?

Прежде всего ему не нужны двести миллионов населения нашей родины. Ему не нужны дети, женщины, пожилые люди и старики. Они подлежат физическому истреблению. Мы теперь знаем, как это делалось в Польше, в Сербии, в Норвегии, во Франции и в тех советских районах, которые временно и не надолго заняты фашистскими войсками. В Польше значительная часть населения уже истреблена пытками, болезнями и голодной смертью в гигантских концлагерях, а вне лагерей — истощением от голодного пайка. Польскому крестьянину не принадлежит больше его достояние, — и примеру: крестьянам и фермерам розданы особые куриные клетки, туда сажают кур, сборщики запечатывают клетки и ежедневно вынимают яйца; если пломба оказывается поврежденной, через час крестьянин уже висит на дереве около своей хаты.

Ворвавшись во Львов, фашисты устроили там «ночь длинного ножа»: много тысяч человек — от мала до велика — было зарезано. Известно, каким мучениям подвергались крестьяне белорусских сел и деревень — их ошпаривали кипятком, выкалывали глаза, запарывали штыками, детям разбивали головы о косяк.

Для чего так поступают фашисты? Для того, чтобы навести ужас на население и чтобы убрать лишние рты: это их программа.

В Советской России фашистам нужны рабочие руки, но такие, чтобы они повиновались, как машины. Фашистам годен не человек, но говорящее животное. Поэтому несомненно, что они намерены оставить в жи-

вых часть мужского здорового населения, ровно столько, сколько понадобится для работы в полях, на шахтах, на заводах. Пример поработанных стран Европы показывает, какая участь ждет этих оставленных в живых сельских и городских рабочих.

Все плодородные земли Украины, русской черноземной полосы, вольного Дона, тучные поля и роскошные сады Кубани, хлопковые плантации, виноградники и сады Кавказа и Средней Азии — все должно быть распределено между новыми хозяевами — длинноголовыми, белокурыми стопроцентными немцами-помещиками...

Они-то уже и плеть приготовили, и зверовидных кобелей для охраны...

Не терпится новому помещику молниеносно захватить Москву и, как сливки, лизать фашистским языком бакинскую нефть.

Не вышло. И не выйдет... В Красной Армии у каждого воина в той полевой книжке, что носит он на сердце своем, первым номером стоит: за родину, за Сталина. Вторым номером стоит: ты должен все знать, все понимать и обо всем думать... В твоих руках судьба отечества, свобода и счастье твоего народа.

В невиданной и неслыханной трехнедельной битве двух многомиллионных армий, Красной и фашистской, сразу определились разные качества сражающихся: красный воин дерется умно, хитро, смыслено, по-русски крабро, до конца, до победы; фашистский солдат дерется, как обреченный. Часто в бой идут они пьяные, нагнув головы в шлемах. И не выдерживают русских штыковых атак. Очищают небо, завидя красные истребители. Неожиданно, под нашим контрударом обрывают отчаянный, казалось бы, натиск. Кидаются туда и сюда. Меняют планы. В фашистской армии все черты ее «фюрера»: нахальство, свирепость разъяренного зверя, истеричность...

Враг многочисленный, опасный, сильный, но он должен быть и будет разгромлен.

Основной план Гитлера заключается в том, чтобы, овладев мировой гегемонией, истребив ненужные ему народы, установить единый вечный фашистский порядок. Но здесь у него нехватило фантазии; он целиком заимствовал этот новый порядок из представлений раннего средневековья: это — пирамида, где на самом

верху полубог — Гитлер, ниже — его ближайшие саванники — Геббельсы, Геринги, Риббентропы и прочая черная сволочь, ниже — стопроцентная длинноголовая аристократия — помещики, которым, скажем, одному «принадлежит» целиком Киевский военный округ, другому — Урал от Перми до Магнитогорска и так далее, ниже — крупная немецкая буржуазия; еще ниже идут люди подневольные, рабы более надежные, пониже — рабы менее надежные, дальше слоями — расы, все более удаляющиеся от арийской, и на самом низу — человеко-машины, человеко-животные, или «недочеловеки», по выражению Гитлера, люди, живущие в стойлах, люди, которых стерилизуют, чтобы они не давали потомства, молчаливая, безликая работающая масса.

Таков предполагаемый «новый порядок» Гитлера. Ради него вот уже полтора года льется кровь, разрушаются государства, гибнут миллионы людей от голода и лишений, и вот уже три недели фашистские полчища ломают свой хребет о стальную мощь Красной Армии.

Русские люди, граждане Советского Союза! Отдадим все для нашей героической и славной Красной Армии, отдадим все для победы над извергом и людоедом Гитлером.

7 июля 1941 года

ФАШИСТЫ ОТВЕТАТ ЗА СВОИ ЗЛОДЕЯНИЯ

Кто вы, охранники Гитлера, офицеры и солдаты со значками свастики? Зверями вас назвать нельзя, — дикие звери жестоки, но не убивают для наслаждения убийством и не проливают крови себе подобных. Нельзя вас назвать и сумасшедшими, вы совершаете зверства обдуманно и планомерно, по инструкциям бюро пропаганды германской армии: «У немецких солдат следует воспитать чувство беспощадности, никакие проявления жалости по отношению кого бы то ни было, независимо от пола и возраста, недопустимы. Нужно воспитывать у каждого офицера и солдата чувство материальной заинтересованности в войне...»

Эта инструкция касается отношения к мирному населению областей, оккупированных немцами. Результаты такой пропаганды налицо, она упала на благодарную почву. Фашисты любят сильные ощущения. Книга, театр, кино — дают только суррогат переживаний. То ли дело — подойти к белорусской колхознице, вырвать у нее из рук младенца, швырнуть его на землю и слушать, медленно кривя рот усмешкой, как баба кричит и кидается к нему, беспомощная и безопасная, словно птица, у которой убили птенца, и под конец, когда до нервов дошли эти вопли наглой бабы, ткнуть ее штыком под левый сосок... Или приволочь с хутора на лесную опушку, где расположились танки для заправки, полтора десятка девушек и женщин, приказать им, — немецкой, с хрипотцой, командой, — раздеться догола, окружить их, засунув руки в карманы, перемигиваясь и отпуская жирные словечки, разобрать их по старшинству и чину, потащить в лес и наслаждаться их отчаянными криками и плачем и потом вперевалку вернуться к своим танкам, закурить и уехать, чтобы впо-

следствии написать друзьям в Германию открытки о забавном приключении: «Должен тебе признаться, Фриц, эти проклятые девки под конец нам надоели своими воплями и царапаньем...» Колхозники потом нашли их в лесу — у одних были вырезаны груди, у других разбиты головы, перерезаны горла...

Вот совсем свежие факты. В деревню Маковей примчался немецкий мотоциклист, приказал согнать всех лошадей. Один из стариков потихоньку сел верхом на лучшую колхозную лошадь и поскакал к лесу. Мотоциклист вдогонку ему пустил очередь из автомата, но старик скрылся. Тогда, обозлясь, фашист пустил последнюю пулю в маленькую девочку, стоявшую около него с разинутым ртом, с глазами, широкими от недоумения, — конечно, ей и в голову не приходило, что она виновата — зачем дед ускакал в лес...

Красноармеец Максименко пробыл в плену пять дней и бежал, измученный голодом и окровавленный от пыток. На его глазах за эти пять дней фашисты допрашивали захваченных ранеными в плен командиров и политработников. Допрос заключался в том, что советские люди, стиснув зубы, молчали, а фашисты били их по животу и голове резиновыми палками; положив большой палец на лезвие фашистского кинжала — непременной принадлежности стопроцентного арийца — так, чтобы конец ножа торчал, не угрожая пытаемому мгновенной смертью, кололи их и пороли, и так как наши люди все же не пожелали отвечать на вопросы, — им каждому вырезали на лбу пятиконечную звезду. Они в мучениях не выдали военной тайны. Их поволокли на улицу, повалили и приказали танкисту раздавить гусеницами.

В городке Ч. фашистские офицеры устроили публичную казнь тридцати партийным, советским и профсоюзным работникам. Население согнали на окраину города. Приговоренных заставили рыть могилу, и они, чтобы поскорее кончить с мучениями, вырыли могилу. Фашистские солдаты столкнули туда первых десять человек живыми, остальным приказали закапывать их. Наши бросили лопаты на землю: «Расстреливайте нас, сволочи!» Часть их расстреляли тут же, других все же закопали живыми.

У немцев Гитлера особый вкус — закапывать живых людей. Так было в Минске, где согнали евреев —

старого и малого, женщин и мужчин, — заставили вырыть ров и приказали приведенным сюда же белоруссам столкнуть евреев в могилу и закопать... Ни один из белоруссов не пожелал выполнить приказания. Офицер, распоряжавшийся этим зрелищем, взбесившись от того, что оно не удалось, — а немцы быстро переходят от состояния тупости к крайнему нервному возбуждению, — приказал расстрелять всех — и евреев и белоруссов...

Недавно фашисты разрешили себе подобное зрелище и по отношению к своим же, немцам. В одном бою одна наша часть наколотила такое количество немцев, что фашистам пришлось вызвать саперов — вырыть динамитными взрывами большой котлован для могилы. Сотни грузовиков повезли с поля убитых и тяжело раненных. Гитлеру не нужны калеки. Подвезенный груз стали сваливать — мертвых и живых — в котлован. Один из раненых отчаянно закричал, и смысл этого крика был: «Что вы со мной делаете, я жив, я хочу жить...» Офицер выстрелил ему в голову. Несколько немецких солдат тут же, у края этого рва, выстрелами из винтовок покончили с собой. Видимо, нервы и у них не выдержали этого «чисто немецкого», — как любит повторять Гитлер, — зрелища.

Мы верим, что в Германии есть люди, которые в отчаянии от позора и стыда закрывают руками лицо, слушая о деяниях своих соотечественников. Деяния офицеров и охранников Гитлера, немецких солдат превосходят все нам известное из истории ужасов, зверств и кровавых массовых дел. Это не какие-нибудь единичные случаи садизма представителей германской расы, это поведение гитлеровской армии, воспитанно «для завоевания мира» и установления иерархии класа господ.

Чем мы ответим на фашистские зверства? Ненавистью, удесятеляющей наши силы и наше мужество в бою, грядущей победой над гитлеровскими армиями разгромом их и уничтожением всей системы озверения человека, всей системы вместе с вырожденками рода человеческого, начиная с потрясучего и припадочного Гитлера.

Мы уважаем Человека, мы бережем его, мы боремся за счастье Человека!

27 августа 1941 года

ЛИЦО ГИТЛЕРОВСКОЙ АРМИИ

В ответ на мою статью, в которой рассказывается о кровавых зверствах фашистов на Восточном фронте, радио из Берлина заявило на весь мир, что я бессовестно лгу, что своим окровавленным пером я сообщаю о злодеяниях германских солдат, страшнее которых ничего нельзя себе представить, и, наконец, не краснея от стыда, я заявляю, что Красная Армия борется за настоящую человечность, за достоинство человека. Геббельс швырнул в эфир оскорбление мне, советскому писателю, он вынуждает меня ответить: ложь — самое страшное оскорбление для нас, советских писателей. Все наше искусство, весь его пафос направлен к становлению и утверждению высоких моральных ценностей. Этого настойчиво требуют от нас 50 миллионов советских читателей, строящих своими руками материальные и духовные формы нового, нашего, советского мира. Быть заподозренными во лжи — значит получить от народа остракизм — изгнание из литературы, из социальной жизни.

Мы, советские писатели и граждане и наша Красная Армия, боремся за правду, человечность — имя этой правды. От имени ее заявляю на весь мир, всем, всем гражданам и воинам свободных стран, борющихся с фашизмом, а также германскому народу я заявляю: немецкие солдаты и охранные отряды фашистов совершают столь непостижимые уму зверства, что — прав Геббельс — чернила наливаются кровью, и, будь у меня угрожающая фантазия самого дьявола, мне не придумать подобных пиршеств, пыток, смертных воплей, мук, жадных истязаний и убийств, какие стали повседневным явлением в областях Украины, Белоруссии и Великоруссии, куда вторглись фашистско-германские орды.

Передо всей германской нацией поставлен грозный вопрос: может ли она, не протестуя, жить с такой славой?

Я привожу скупые и точные рассказы свидетелей, которые живы и находятся или в рядах Красной Армии, или в лазаретах и в любой час могут быть опрошены международной расследовательской комиссией, если таковая будет создана.

«Я видел на окраине одной деревни близ Белостока пять заостренных колов. На них было воткнуто пять трупов женщин. Трупы были голые, с распоротыми животами, с отрезанными грудями и отсеченными головами. Головы женщин валялись в луже крови вместе с трупами убитых детей. Это были жены и дети наших командиров». (Младший воентехник Д а д а ш е в С. И.)

«В Пинщине, на поляне возле леса, я видел истерзанный труп 15-летней девочки-пастушки. Семь немецких солдат изнасиловали ее, искололи штыками грудь и распороли живот». (О н ж е.)

«Во всех деревнях и селах, где побывали германские войска, я видел трупы детей, женщин и стариков». (О н ж е.)

«Подходя с группой разведчиков к селу Студеное, мы услышали душераздирающие крики. Это фашистские солдаты зажгли дом красноармейца и бросили в огонь его жену и детей...» (Бат. комиссар Л. Бейлинсон.)

«В город Остров ворвались фашистские танки. Немцы согнали несколько десятков женщин и детей на огород и неожиданно начали расстреливать их из автоматов. Затем туда же привели еще около двадцати пяти женщин и тоже расстреляли их. Все это я видел своими глазами, находясь в укрытии возле этого огорода». (Политрук Чеботарев.)

«В деревне Бронислава немцы на глазах у матерей зарыли заживо в землю троих маленьких детей, а затем застрелили этих женщин». (Донесение Политуправления фронта.)

«В колхозе им. Фрунзе немцы изнасиловали молодую женщину, председательницу колхоза, отрезали ей левую грудь и нанесли две ножевых раны...» (Мл. сержант Агафонов.)

«Находясь в глубокой разведке, в одной деревне около гор. Пропойска, я видел, как немцы вывели из

подвала старика, мальчика и маленькую девочку. Их о чем-то спрашивали и били. Затем выстрелом в упор был убит старик. Закричавшую девочку подняли на штык и бросили в сторону. Они заставили мальчика на все это глядеть, затем убили и его». (Пом. командира взвода Пляшечный С. Г.)

«К нам ворвались немцы. Двух 16-летних девушек ихние офицеры затащили на кладбище и над ними надругались. Затем приказали солдатам повесить их на деревьях. Солдаты выполнили приказание и повесили их вниз головами. Там же солдаты надругались над детьми женщинами». (Колхозница Петрова из колхоза «Пахарь».)

Так воспитанная Гитлером для построения «нового порядка» в Европе и во всем мире германская армия — эти современные джеки-потрошители животов — несут по следам своих танков навыки фашистской культуры. Они посылают своим невестам в Германию вместе с сентиментальными открытками одежду, обувь и съестное из ограбленных жилищ и магазинов (несколько сот запротоколированных фактов ограбления и прямого разбоя) и, упившись водкой, развлекаются по-фашистски, заживо анатомируя женщин и прикалывая детей.

Взбешенная своими грандиозными потерями, которых нельзя уже более скрывать и все труднее пополнить, смутно, сквозь туман алкоголя и крови сознавая неизбежность конечного поражения в мировой войне, немецкая армия покрывает себя позором: она пытается и убивает пленных. Так прими же звание подлеца, германская гитлеровская армия! Вот факты:

«Меня, раненного и взятого в плен западнее города Великие Луки, немцы посадили в амбар, где находились тринадцать пленных красноармейцев и один капитан. Минут через десять нас всех вывели из амбара и построили в одну шеренгу. Затем немецкий солдат вывел из строя капитана и двоих красноармейцев. Перед строем немецкие солдаты стали стрелять в упор в капитана, прострелили ему правую, затем левую руку, потом левую ногу и правую ногу. Когда капитан упал, один из немецких солдат нагнулся и ножом отрезал ему нос, потом уши и концом ножа выколол глаза. Тело капитана судорожно содрогалось. Тогда другой солдат выстрелил ему в грудь и убил его.

С двумя красноармейцами немецкие солдаты сделали то же самое. Все немцы были пьяны.

После казни нам, оставшимся в живых, приказали закопать пленных, и нас опять загнали в амбар. Три дня нам не давали ни воды, ни хлеба. Ночью мы сделали подкоп и ушли». (Красноармеец Быстраков Д. Е.).

«Около колхоза «Пахарь» был найден нами труп красноармейца Гофмана. Ему отрубили обе руки, выкололи глаза, отрезали язык. Рядом с его трупом из обрубков его рук была выложена пятиконечная звезда». (Колхозница Петрова.)

«В деревне Охотичи я увидел два трупа замученных командиров Красной Армии. Крестьяне рассказали, что стоявшие в этой деревне немцы захватили в плен этих лейтенантов. Им приказали раздеться догола, и допрашивавшие их били чем попало и кололи штыками, а затем зарезали. Их тела были покрыты колотыми ранами.

В городе Быхове на площади сооружены четыре клетки из колючей проволоки. В них заключено в каждой человек по двести раненых красноармейцев, красных командиров и невоенных — советских и партийных работников, среди них много 15—16-летних комсомольцев.

Немцы не кормят этих заключенных в клетках, ежедневно наливают немного воды в корыта, чтобы люди умирающие от жажды, пили на четвереньках, и бросают в клетку десятков сырых картофелин. Я лично видел, как фашист-солдат бросил в клетку шкуру, содранную с барана. Пленные грызли эту шкуру. Если человек захочет перейти с места на место в клетке, немецкие часовые в него стреляют. Я не знаю, что случилось с этими несчастными, мне удалось бежать...» (Военный юрист Капустянский М. М.)

«Наше подразделение выбило немцев из деревни Я. Во дворе одного дома мы нашли семь убитых красноармейцев. У всех были отрублены ноги. У одного распорот живот. Это сделали немцы перед тем, как бежать из деревни». (Пулеметчик Петр Фанарьин.)

Довольно. Список истязаний и мучений захваченных в плен, в большинстве случаев ранеными, воинов Красной Армии очень велик. Это не единичные печальные случаи, это система воспитания германской армии. Взамен обесчеловечения немецкого солдата — ему, автомату, разрешается развязать в себе темные инстинкты: потенциальный распутник — распутничай, потенциальный му

читель—мучай, наслаждайся предсмертными воплями, раздувай ноздри, потенциальный вор — воруй. За это, когда нужно, ты умрешь ради психопатического честолюбия Гитлера, ради концернов Геринга и прочей сволочи, заранее поделивших между собою все шесть материков земного шара.

Сотни миллионов честных и благородных людей всех стран мира, включая и несчастную Германию, — все — на уничтожение в нашей прекрасной жизни кровавого и страшного распутства! Германская армия Гитлера должна быть уничтожена и выжжена до корня, германский фашизм — это упрощенная система отбора людей на убийц и на подлежащих убийству.

31 августа 1941 года

Я ПРИЗЫВАЮ К НЕНАВИСТИ

Товарищи, вы увидели, вы почувствовали, что такое Гитлер, что такое фашизм. Это — бойня ради бойни, это — опьянение человеческой смертью, наслаждение разрушением. Древние германцы, убивая врага, вырывали у него сердце и съедали сырым. У них был обычай, схватив врага, разрезать ему сзади ребра и выламывать их наперед в виде крыльев, — это на немецком языке называлось «сделать орла»...

Вот такими штучками — непременно со вкусом человеческой крови — вдохновлены стервятники, налетевшие на Москву. Они трусы при этом.

Вчера ночью и третьего дня под Москвой я видел, как фашистские бомбардировщики металась среди ослепительных вспышек зенитных снарядов, они попадали в вихри карающей смерти. На моих глазах три бомбардировщика были прошиты огненными строчками трассирующих пуль с наших истребителей. Самолеты стервятников ныряли к земле и, упав, вспыхивали белым заревом.

Наш фронт крепнет с каждым днем. Армии Гитлера, захлебываясь от кобственной крови, начинают выдыхаться... Настанет день, который будет отмечен в мировой истории золотой чертой. И Гитлер, и фашизм взорвутся под нашими ударами, и зарево от этого пожара озарит освобожденный мир.

Но успокоиться нельзя. Враг коварен, и силы у него еще много. Мы должны объединиться в одной воле, в одном чувстве, в одной мысли — победить и уничтожить Гитлера и его армии, которые несут смерть и рабство, рабство и смерть и больше ничего.

Для этой великой цели нужна ненависть. В ответ на вторжение Гитлера в нашу страну — ненависть, в ответ на бомбардировки Москвы — ненависть. Сильная, проч-

ная, смелая ненависть... Не черная, которая разрушает душу, но светлая, священная ненависть, которая объединяет и возвышает, которая родит героев нашего фронта и утраивает силы у работников тыла.

Да здравствуют победные багряные знамена нашей славной Красной Армии, да здравствуют братские народы Советского Союза, да здравствует весь русский народ, да здравствует Москва, да здравствует наш главнокомандующий Сталин!

28 июля 1941 года

ВСЕ СЛАВЯНСКИЙ МИР ДОЛЖЕН ОБЪЕДИНИТЬСЯ ДЛЯ РАЗГРОМА ФАШИЗМА

(Речь на Всеславянском митинге, состоявшемся в Москве
10 августа 1941 года)

Славяне! Русские, украинцы, белоруссы, поляки, чехи, словаки, сербы, хорваты, македонцы, черногорцы, болгары, словенцы, закарпатские украинцы, — все, кто говорит на братских языках единого славянского корня, все, кто некогда составлял единую группу родственных племен и вел борьбу за свою независимость, за свою национальную культуру и за право мирного труда!

Славяне! Пробил час, когда весь славянский мир должен объединиться для скорейшего и окончательного освобождения от титлеровского гнета. Мы объединяемся, как равные среди равных. Среди нас не должно быть больших или меньших. У нас одна задача и одна цель — разгром гитлеровских армий и уничтожение всей военно-агрессорской системы национал-социализма. У нас одно горячее всеобъемлющее стремление — чтобы славянские, равно как и все соседствующие с ними народы и государства, и все прочие народы мирно и покойно развивались в рамках своей государственности. Мы не посягаем ни на какое главенство, ни на какую руководящую роль для иных народов. Мы решительно и твердо отвергаем самую идею панславизма, как насквозь реакционного течения, глубоко враждебного равенству народов и высоким задачам национального развития государств и народов. Наша задача — объединенными усилиями уничтожить немецкий фашистский гнет, каких бы жертв это нам ни стоило.

Славяне! Если вчера некоторым казалось, что гитлеровская Германия оставит в покое их мирное существование и книжка Гитлера «Моя борьба», своим отра-

ленным жалом направленная к уязвлению сердца всего славянства, лишь наглая и шумная болтовня, то сегодня они убедились в реальном и последовательном осуществлении программы германского фашизма.

«Славянская человеческая масса, как расовый отброс, недостойна владеть своими землями, — они должны отойти в руки германских господ, а славяне — собственники земель — превращены в безземельных пролетариев». Но славян больше трехсот миллионов, и они плодovitы... «Я буду, — говорит Гитлер, — систематически в течение долгих лет разъединять славянских мужчин от женщин, чтобы остановить рождаемость. Всеми средствами я пресеку плодovitость славян... Кто может оспаривать мое право уничтожить миллионы славян, размножающихся, как насекомые...»

Вот программа германского фашизма. Западные славянские страны увидели, что это не слова, а дело, кровавое дело. Для одних это — нищета, принудительный труд под ударами фашистского надсмотрщика, превращение славянина в двуногое животное, раба или — стерилизация, которую немцы начали усиленно проводить в Польше. Для других это — смерть от фашистского ножа и пули, смерть от пыток в концентрационном лагере, от истощения и голода.

Пощады от фашистов ждать нельзя. Пощады нет... И те, кто думает как-нибудь, тихонько, пережить это время, стать смирным и незаметным, — жестоко ошибаются. Смиранных, как жучков, поджавших лапки, раздавит фашистский сапог.

Прочь смирение и умиротворение! Ничто не поможет в эту грозную годину. Славянин! Твоя душа зажглась ненавистью к поработителям, рассевшимся как хозяин-рабовладелец в твоей стране, в твоём доме, на клочке твоей земли. Твоя душа горит священной ненавистью, творящей великие и героические дела.

Всюду, на каждом шагу, твоя ненависть — акт борьбы и в крупном и в мелочах. Миллионы славян — рабочих, крестьян, интеллигенции — с еще большим и все возрастающим единодушием должны тормозить, вредить, портить, уничтожать военную фашистскую машину. Весь мир уже знает о героизме чешских рабочих, которые находят хитрые способы обезвреживать немецкие орудия смерти. Весь мир уже знает о героизме польских, черногорских, сербских, македонских пар-

тизан. Эту борьбу ведут десятки и сотни тысяч людей, — нужно, чтобы она охватила миллионы.

Ни часу ожидания, раздумья, ни часу промедленья! Каждый славянский народ — во имя освобождения, независимости и мирного счастья своих поколений — сам должен подняться на борьбу на общем и едином фронте. Свободу не приносят на золотом блюде, свободу берут с оружием в руках.

Восточное славянство — 160 миллионов русских, украинцев, белоруссов — вместе с другими народами союзных советских республик, вместе с могущественной и свободолюбивой Великобританией седьмую неделю ломит хребет гитлеровским армиям. Германское командование сняло уже гарнизоны из оккупированных городов и вливает в армию подростков и пожилых людей. Гитлеру понятно, что общий переход немцев к обороне — это начало конца, и он с бешенством силится отдалить этот роковой час. То в одном, то в другом месте фашистское командование вбивает танковые клинья в наш фронт, — и снова и снова это кончается для фашистов горами исковерканного металла и ключьями немецких тел. Враг силен и опасен, но у него уже все признаки усталости и разложения. Неудавшаяся молниеносная война молниеносно пожирает его человеческие и материальные ресурсы.

За шесть недель свыше полутора миллионов немцев убито, ранено и сдалось в плен. Немецкая армия потеряла треть своих танков, пятую часть авиации с лучшими кадрами летчиков, восемь тысяч артиллерийских орудий. Но это лишь начало войны с Красной Армией и силами Великобритании. Истребление германской живой силы и военной техники развивается во все более устрашающих размерах.

Скоро настанет час, когда истекающий кровью фашистский зверь начнет пятиться в им самим уготовленную бездну. Настанет час, когда не сто сербов или поляков, или партизан в горах Крайны, Македонии и Черногории будут расстреливаться за каждого убитого германского солдата, а за каждого замученного серба, поляка, черногорца, словенца и македонца фашистам придется отдать тысячу голов.

Нет, не остыли угли на пепелищах Варшавы, Белграда, Чачака, Ягодина, Бани! Их раздувает священная ненависть для того, чтобы на них навсегда была сож-

жена и развеяна по ветру безумная, варварская, кровавая мечта германского фашизма поработить и истребить славянский мир.

Славяне! Мы объединяемся для борьбы и победы. Мы объединяемся для того, чтобы каждая славянская, как и всякая другая, страна могла свободно, мирно, о полном освобождении сил своих созидать свою культуру. Немалый вклад вложило славянство в мировую сокровищницу культуры и цивилизации. Фашисты пытаются отрицать это. Мы благодарим немецкий народ за прекрасную музыку, за философию, за добрую старую поэзию и предупреждаем, что он должен будет очиститься от грязи гитлеровского фашизма, чтобы спасти свое существование.

Идеи справедливости и свободы близки славянским народам. Мы свободолюбивы и миролюбивы, но мы грозны и упорны в борьбе, когда на нас нападают. В ответ на декрет Муссолини о смертной казни за хранение оружия во всей Черногории было сдано только две винтовки. Так должен поступать славянин.

Свобода или смерть! Мы хотим мирного процветания себе и нашим соседям, мы хотим высших даров человеческой свободы: развития культуры, искусств и наук, благоденствия, счастья. Культура, а не война. Во имя этих высоких общечеловеческих целей — в бой, славяне! В победный бой с фашистскими варварами, пьяными от крови и грабежа! Смерть фашизму!

Да здравствует освобожденный славянский мир! Да здравствует наша могучая союзница — Великобритания! Да живут и здравствуют все страны и все народы мира, борющиеся с фашизмом!

10 августа 1941 года

СЛАВЯНЕ, К ОРУЖИЮ!

Славяне! Близятся те месяцы, те недели, те дни, когда непрекращающаяся битва на Советском фронте достигнет предельного напряжения: предполагаемое весеннее наступление Гитлера, его последняя ставка, которой он хочет гальванизировать, встряхнуть изнемогающую Германию, должно превратиться в окончательный разгром германских, итальянских, румынских, венгерских и финских дивизий.

Такова ближайшая задача Красной Армии, такова воля Сталина: смертельное поражение и дезорганизация армии фашистской оси весной и летом 1942 года.

Красная Армия обладает всеми данными для выполнения этой задачи. Первое: боевой состав молодых генералов и командиров, которые прошли суровую школу девятимесячной войны — отступления с упорными боями, обороны и, наконец, мощного контрнаступления, они хорошо изучили тактику немцев и теперь навязывают немцам свою, советскую, тактику.

Второе: высокий нравственный дух Красной Армии, выражающий волю к победе и к свободе всей нашей страны, где из края в край, бессонно, день и ночь стучат молоты по наковальням. Героические древние сказанья вновь стали былью наших дней: триста спартанцев умерли под Фермопилами, поразив страхом полчища персов; двадцать восемь славных гвардейцев остановили полсотни фашистских танков и умерли, сжигая и поражая их, бросаясь со связками гранат под гусеницы, и не пропустили их к Москве. Летчики Красной Армии устремляются в бой при всех случаях, даже когда завидят в небе вдесятеро превосходящего противника, — их гонит в бой русская удаль и смелый расчет — всегда нападать, всегда вырывать инициативу у противника. Разведчики и парашютисты, проникая во

вражеские тылы, врываются в одиночку или сам-друг в доты, блиндажи, укрепленные дома, и столь страшна немцам холодная ярость русских, столь страшны рукопашные схватки, что дневники и письма немецких солдат полны ужаса к снежной России, где смерть всюду и всегда, — смерть не знает отдыха.

Наша артиллерия — лучше немецкой по меткости стрельбы и суровой стойкости артиллеристов. Сталь наших танков выдерживает вражеские бронебойные снаряды, и наши танкисты врываются в укрепленные немцами городки и деревни, как слоны сквозь бурелом. Наша кавалерия, в мохнатых бурках, в башлыках, развевающихся за плечами, смело гуляет по вражеским тылам, и горе тем фашистским батальонам, которые подвернутся ей под клинок!

Красноармейцы когда-то летом и осенью называли немца немцем, теперь, сплевывая, зовут просто фрицем, чьи мерзлые ноги и руки во множестве торчат из сугробов. Ни сорокапятиградусные морозы, ни переходы в снегах по грудь, ни хитро укрепленные врагом населенные места, где поля вокруг устланы минами, каждый дом превращен в крепость, где надолбы, рвы, доты, высокие ледяные валы, не останавливают Красную Армию, — она идет на запад, жмет, давит, прогрызает немецкую оборону.

Третье условие нашей победы: законченный процесс переноса оборонных заводов с запада на восток и пуск их на полную мощность. Если разгром немцев под Москвой называется чудом Красной Армии, то переброска в немыслимо кратчайшие сроки гигантских заводов за сотни и тысячи километров — чудо, совершенное волей народа. Заводы с десятками тысяч рабочих, с преобладающим числом девушек и женщин, в десять дней, в две недели перебрасывались на колесах в глубокий тыл, и через полтора, два месяца из ворот их выезжали танки, платформы с орудиями, грузовики со снарядами, выкатывались самолеты.

Четвертое условие: нарастание мощи Красной Армии за счет огромных резервов, приобретенного опыта и подъема нравственной силы и в то же время снижение боевой мощи немецкой армии. Помимо чудовищных материальных потерь, немцы за последние девять месяцев войны потеряли наиболее боеспособные, распропагандированные кадры гитлеровской молодежи и принужде-

ны разбавлять перченый фашистский суп теплой водичкой, вливая в армию немца средних лет, который одной половиной души вздыхает о мирной до-гитлеровской жизни, а другой половиной обмирает от ничего доброго не сулящего гитлеровского настоящего. Это и есть вздыхающий фриц, который пишет жене в Берлин об адских ужасах русской зимы и ищет случая сдаться в плен.

Пятое условие: неуклонно растущая, свежая, наземная и воздушная армия Англии; переход всей гигантской промышленности Соединенных Штатов Америки на боевую продукцию и рост вооруженных сил Соединенных Штатов. Эта реальная помощь должна действительно подкрепить наступление Красной Армии именно этой весной и летом.

И, наконец, партизанское движение в тылу у немцев. Авантюристская гитлеровская стратегия не учла очень многого — стойкости Англии, тройственного военного союза — СССР, Англия и США, — не учла того, что в ответ на бесчеловечную тотальную войну народы Европы и Советской России ответят гибельной, невыносимой, как жаленье миллиардов разъяренных пчел, страшной, как неизлечимая болезнь, неотвратимой, как стихия, народной войной.

У монголов Чингиз-хана был обычай — кинувшись на плечи врага, ломать ему хребет. Миллионы и миллионы поработанных фашизмом людей, у кого сердце от ненависти стало горящим углем, должны со всей решимостью кинуться с тыла на плечи гитлеровской Германии. Миру известно, какую героическую борьбу ведут партизаны Польши, Сербии, Черногории, непримирившейся Чехии, Греции, растерзанной Франции, Бельгии, Голландии, суровой и гордой Норвегии. Под ударами югославских повстанцев гибнут целые дивизии оккупантов.

Никогда! Лучше смерть, никогда славянин не подставит шею под германское ярмо! Во всех оккупированных Германией странах — то тут, то там — взрываются заводы, склады боеприпасов, поезда валяются под откос, саботажем и упорным сопротивлением насыщены заводы, выполняющие заказы ненавистных оккупантов, пропаганду ненависти не устают сеять сотни подпольных газет в Польше... Еще шире, еще страшнее и беспощаднее разлилось партизанское восстание в захваченных врагом областях Советского Союза. Там ни

днем, ни ночью ни один фашист не может быть спокоен за свою жизнь. Каждый лес, каждый овраг, поворот дороги — смертельны. Как тени, советские партизаны пробираются в оккупированные города, и — летит на воздух склад боеприпасов или веселый ужин офицеров превращается в пиршество смерти.

Ближайшая задача: согласовать всеобщий подъем партизанских восстаний с наступательными ударами Красной Армии. Напряжением борьбы против оккупантов должна ответить Европа и в первую голову — славяне — на грохот весенней битвы, в которой затрещит становой хребет гитлеровской армии и в сердце ее войдет до самого ствола красноармейский штык.

Фашистские дивизии должны быть взяты в гигантские клещи с фронта и с тыла. Вся Европа, все славянские страны должны стать единым лагерем партизан. От чести участвовать в разгроме гитлеровской Германии никто не должен уклониться, и — один взрывает железнодорожный мост, другой бросает горсть песка в машину. Каждый, кому дорога свобода, каждый, кто больше жизни любит родной дым родного очага, должен нанести удар. Человек, подставляющий спину под бич победителя, презренен, а в наши дни, когда решается судьба всего славянского мира, человек, покорно сносящий удары бича, — предатель.

Слишком долго затянулась черная ночь над Европой. Слишком долго верили в сказку о непобедимости немцев. Размалеванная, клыкастая рогатая маска фашистского бога войны уже сорвана красноармейцем с гитлеровского солдата. Под ней — задыхающееся от изнеможения, испитое от лишений, перекошенное страхом перед надвигающейся гибелью — обыкновенное лицо немецкого обывателя. Он хочет кончать войну. Нервы его истрепаны, как струны разбитой гитары, — на них он больше не может играть победный марш.

А молодчики Гитлера, — спросите вы, — механизированные, вышколенные варвары, ринувшиеся на танках, самолетах, грузовиках завоевывать мир для королей германской индустрии и для фюрера, обещавшего своим преторианцам целый мир для грабежа и варварских полнокровных развлечений, — где эти непобедимые воины? Пересчитайте миллионы сосновых крестов в лесах, болотах и равнинах России. Там лежит отборная гвардия Гитлера.

1942 год должен стать рубежом для новой эры свободы народов, населяющих старую прекрасную землю под старым прекрасным солнцем. Славяне, соединенные для общей великой исторической задачи — освобождения от германского фашистского ига, своими руками очистят от векового мусора родные земли и засеют их — никем уже более, отныне и до века, не попираемой — национальной культурой.

Триста лет и более немецкая историография пыталась доказывать, что славянство — низшая раса, пригодная лишь для удобрения германской культуры. Завершением этой заведомой лжи, которую так упорно с установкой на дальний прицел сеяли немецкие профессора, была «Моя борьба» Гитлера и фашистские дивизии — с моральным и культурным уровнем пещерного человека.

Славяне! Под грохот мировой войны мы должны пересмотреть всю историю славянства. Мы строили цивилизацию Европы в равной степени, как и другие народы. Своей молодой кровью мы оплодотворили для жизни на целое тысячелетие дряхлую Византию: славянство не захотело разрушать ее, как германцы разрушили Рим до основания; Византия уберегла и передала феодальной Европе античную культуру благодаря славянству. Трудлюбивые и свободолюбивые, любящие мир и культуру, славянские народы стояли на рубеже — со стороны востока — кочевых империй Азии с их фантастическими замыслами завоевания мира, со стороны запада — столь же беспочвенно грандиозных попыток средневековых императоров. Эти обе агрессии — восточная и западная — разбивались о стойкий и мужественный славянский мир. Еще не оценена роль славянства в создании гуманитарной культуры Европы.

Сложна, богата, миролюбива, талантлива славянская душа. Но не тронь ее! В самых тяжелых испытаниях почерпнет она не покорность и уныние, а ярость борьбы и упорство и лишь умножит силы свои. Она с восторгом примет смерть, если смерть ведет родину к победе и свободе.

Славяне! К оружию, многообразию согласованной, беспощадной борьбы! Силой урагана пусть поднимается справедливый гнев наш!

4 апреля 1942 года

ГРОЗНАЯ СИЛА НАРОДА

Первое мая — всемирный праздник строителей гуманитарной цивилизации на всей земле. В этот день на севере шумят потоки вешней воды, сияя под яростным солнцем; южнее уже зеленой дымкой опушаются леса и рощи, и жаворонки поют над зелеными; на юге белые сады поднимают, как свечи, цветущие ветки, гудящие от пчел, и на полях, как будто капли крови весны, цветет мак. Это праздник труда, созидающего жизнь, праздник человека, который впряг в свой плуг солнце, ветер, многогрудую богиню земли и ярость весеннего потока; который позавидовал птице и научился летать быстрее орла, заставил дикую молнию кротко светить над мудрой книгой в своем жилище и вертеть миллиарды фабричных станков, чтобы жизнь для него была обильна, и легка, и украшена; который проник в тайники страстного давления жизни и из этих взбаламученных омутов воссоздал возвышенное искусство; который поставил высокие вехи на пути к будущей полной свободе и необозримому счастью. В другие весны, чем эта наша, сотни и сотни миллионов строителей сажали детей на свои плечи, подруги и жены шли рядом с ними, украсив грудь цветком мака, и, прежде чем насладиться мирным отдыхом, запевали вольную и грозную песню о том, что справедливость будет завоевана во всем мире.

Сегодняшний день Первого мая единственный в истории человечества, другого такого не будет: через год мы украсим милые волосы наших подруг цветами победы. Сегодня праздник вооруженной ненависти, которая стала творящей силой. Мы воюем справедливость. Мы отвоевываем жизнь наших детей, чтобы они не валялись с разможженными головами в обочинах дорог, жизнь наших матерей, чтобы, умирающие от голода и холода, они не глядели в отчаянии на горящие родные:

хаты, жизнь наших подруг и жен, чтобы гитлеровские солдаты не отрезали им груди, не раздирали их, привязав к деревьям, чтобы оскверненные немцами тела их не валялись горами в противотанковых рвах. Мы движемся по пути солнца на запад, срывая немецкие надписи с перекрестков дорог и с улиц наших несчастных городов и селений, которые Гитлер приказал превращать в зону пустыни; мы очищаем родную землю, предназначенную Гитлером для двадцати пяти миллионов немецких колонистов, мы избавляем жизнь и мир от бездонно павшей гитлеровской сволочи.

Немецкий зверь, прыгнувший, чтобы разорвать в кровавые клочья нашу родину и воздвигнуть закон пещерного насилия на месте гуманитарной цивилизации, напоролся всем брюхом на русский штык. Зверь пятится, зверь будет пятиться. Ему спасенья нет. Первого мая 1942 года должен праздноваться, как день мировой славы Красной Армии. Пусть в этот день все небритые и шелудивые, воняющие прелью гансы, которые, настрожив уши, сидят среди оттаявшего дерьма в окопах; или откачивают ручными насосами и ржавыми ведрами весеннюю воду из блиндажей, или чихают в еще ледяных дзотах, или, чертыхаясь, обшаривают уж сто раз ограбленные русские избы, или встряхиваются и мотаются в грузовиках, проклиная русскую весну, русский народ, Россию и того чорта, кто их послал сюда, или с тоской, сосущей сердце, садятся в летающие гробы свои. Пусть все они помолятся в этот день своему Гитлеру, авось он пошлет дочерей германского бога войны валкирий с общипанными крыльями — укрыть немецкое воинство волшебной завесой от русских пушек, штурмовиков, тяжелых танков и прочего оружия и, в особенности от ночного русского «ура», за которым следует скользкий штык в гансово тощее брюхо.

Но нет чудес на свете. Нет тех валкирий и нет той преграды, которую бы не преодолела нравственная высота духа красного воина, подкрепленная грозным оружием, изготовленным на родных заводах руками отцов, матерей, сестер, невест, жен, братьев. Не помогут гансу фашистские молитвы, а тем солдатам гитлеровской армии, кто выходил когда-то в день Первого мая с сынишкой на плече, держа за руку жену свою в дешевеньком платишке, и пел о справедливости, тем посоветуем не молиться Гитлеру, не поможет тухлый дьявол. Лучше

потихоньку развернуть советскую листовочку — пропуск на ту сторону фронта, в царство справедливости, и, набравшись храбрости, кольнуть штыком эсэсовца, доносчика, террориста, сукиного сына, который настаивает, чтобы гитлеровский солдат ходил пружинящим шагом и в глазах его была видна бездна и смерть, — да, кольнув, ползком через линию фронта: «Рус, капут, сдаюсь».

Грозным наступлением фронта и удвоенным трудом всего советского тыла мы гордо встречаем день Первого мая. У нас все основания гордо держать голову. Еще византийские историки в десятом веке со страхом писали о русских воинах Святослава: «Россы почитают ужасным бедствием лишиться славы и быть побежденными. В кольчужных бронях, с огромными, до самой земли щитами, выставив копья и сомкнув щиты наподобие стены, они бросаются на неприятеля с ужасным и странным воплем и дерутся, как бешеные львы. Смерть они предпочитают позору и никогда живые не сдаются неприятелю, но, вонзая в чрево меч, себя убивают». Через восемь столетий французский мемуарист сказал о русской армии, разгромившей непобедимого Фридриха II: «С такой пехотой можно штурмовать ад». Красная Армия уже четыре месяца с возрастающим ожесточением штурмует ад, умноженный на такую технику и такое немецкое зверство, о чем не мечталось и самому сатане.

Воины Красной Армии хранят и совершенствуют старые русские боевые традиции бесстрашия, азарта, злобы в бою и самоотверженной товарищеской помощи. Немцы тупы, злы и бесцельно жестоки. Русские — ярочны, сноровисты, быстры соображать и ориентироваться, поохотничьи хитры и в огне боя ищут только одоления врага и победы. Немцев гонит в бой террор. Русским не нужна угроза, чтобы бросаться вперед на врага. Их гонит мстительное негодование за бесчеловечные поступки немцев Гитлера. У русского человека простая, честная и широкая душа, своим телом, не колеблясь, он заслонит друга от вражеской пули. Он как будто бы и покладист, не тронь его за живое. А живое в нем — вековое русское чувство справедливости. На этом-то в основном и засыпался Гитлер, бросив несчастливую, — теперь, с уверенностью подчеркиваем это слово — несчастливую, — глупую, ослепленную, по-мещански мелочную Германию в несправедливую войну против нас и приказав своим цепным негодьям вершить такие несправедливости, перед

которыми будет еще тысячу лет содрогаться мир и тысячу лет стыдиться Германия.

Справедливый воин Красной Армии горд гордостью народа, строящего своими руками и своим разумом, без чьей-либо помощи, счастье возлюбленной родины своей. Он великодушен, значит, беспощаден к нарушителям человечности. Думы его, когда он стоит лицом к лицу со смертью, русские, высокие думы.

Вторая причина, почему мы гордо несем голову, — это единоклубный патриотический подъем всего советского тыла. Тут Гитлер опять просчитался на сталинской национальной политике. Вместо народных восстаний и анархии — миллионы мужских, женских, даже детских рук разобрали, погрузили в вагоны заводы прифронтовой полосы, а эвакуированная оборонная промышленность, уйдя из-под носа Гитлера, развернулась за пределами досягаемости на новых местах с такой быстротой, что об этом тоже будут с изумлением вспоминать тысячу лет. Ненависть, упорство, неутомимость на наших заводах такие же, как на фронте. Ошиблись немцы в русском характере!

Зона пустыни, которую оставляют за собой отступающие немцы, и захват Украины, Белоруссии, прибалтийских советских республик и части Российской республики, захват, который мы должны ликвидировать полностью в это лето, захват, давший Германии одну только несомненную выгоду, что несколько миллионов негодяев, которых в конце концов пришлось бы немцам все равно умертвить, как социально опасных, уже убиты нами, — все это напрягает сельское хозяйство Советского Союза. Но и здесь Гитлер ошибся в расчетах. В сельское хозяйство включились женщины, подростки, старики, пошли в ход, помимо машин, конные плуги и сохи, и посевной клин Советского Союза расширился.

Примером тому служит Узбекистан. За осень и зиму здесь выкопано много новых каналов. Один из них, Ташкентский, — семьдесят километров длиной. Посевная площадь увеличена на сотни тысяч гектаров без ущерба для посева хлопка. Увеличены на десятки тысяч гектаров огородные поливные культуры. Узбекистан, живший раньше лишь три месяца в году на своем хлебе, с этого лета целиком переходит на свой хлеб и освобождает огромное количество зерна и овощей для фронта и очищенных от оккупантов местностей.

На-днях я ездил из Ташкента в Фергану — жемчужину Советского Союза. Цвели необозримые яблоневые и грушевые сады. Повсюду, до горизонта — сады и прямоугольники взбороненных площадей, обсаженных невысокими деревьями. Под Ташкентом это ивы, в Ферганской долине — тутовник. Листья его идут на корм шелкопряточным червям. Повсюду блестит, бежит вода по каналам, арыкам, канавам и канавочкам, живописной сетью напитывая всю землю, повсюду кучки колхозников и колхозниц взмахивают тяжелыми мотыгами над головой; ползут, пыля, тракторы, медленно идут волы в высоком ярме, волоча древний среднеазиатский плуг. Несутся по дорогам грузовики, семят ножками ослики, плывут нагруженные тюками верблюды; жаркое море стоит над этой благословенной землей, где круглый год без отдыха трудится человек. Благодарная земля отвечает ему роскошным плодородием. Люцерну здесь косят пять раз в лето. С каждого поля снимают два урожая. Выкапывают картошку в июне, ее же посадят опять и вновь копают в октябре. Ячмень снимают в июне и засевают поле овощами. Если Красная Армия, двигаясь на запад, штурмует ад, здесь, в Узбекистане, армия колхозников штурмует райский сад, и повсюду, где только возможно, даже на крышах глинобитных домиков в кишлаках цветут красные маки, словно предлагая себя людям ко дню Первого мая.

Нам, дорогие мои товарищи, жить и жить на нашей родной великолепной земле, побеждать и строить. Кошмарная рожа Гитлера пропадет за тучами дыма, как бредовое видение, а жизнь, победная и радостная, как песня жаворонка над весенними полями, — наша!

1 мая 1942 года

СОДЕРЖАНИЕ

Родина	3
что мы защищаем	10
Русские войны	15
Армия героев	21
Смельчаки	25
Таран	31
Москве угрожает враг	36
Кровь народа	40
Первый урок	47
За советскую родину!	53
Дружба народов СССР	59
Кто такой Гитлер и чего он добивается?	65
Фашисты ответят за свои злодеяния	70
Лицо гитлеровской армии	73
Я призываю к ненависти	78
Весь славянский мир должен объединиться для разгрома фашизма	80
Славяне, к сружиию!	84
Грозная сила народа	89

Редактор *А. Гурвич*

АЕ0263

Подписана в печ. 29/V 1942 г.

Колич. печ. листов 6

Автор. листов 4,67

Колич. печ. зн. в листе 34 400

Заказ 1002

Тираж 25 000 экз. Цена 2 руб.

Тип. „Красное знамя“,
Москва, Сущевская, 21